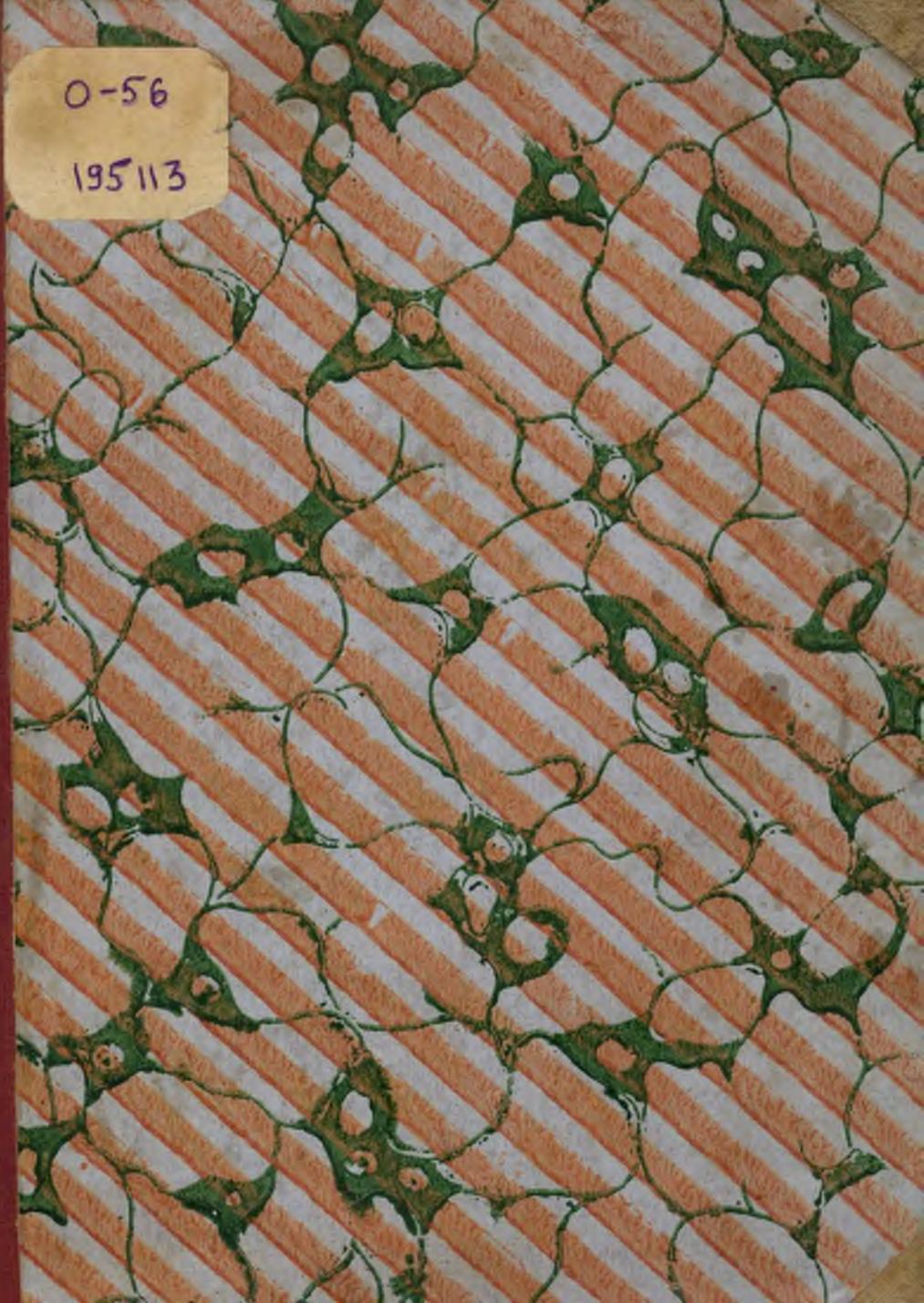


0-56

195113



Гончева Нарисави
номота 19
АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН



**СЕВЕРНОЕ
СИЯНИЕ**

1951/3.



**ПЕРЕВОДЫ
ИЗ ЯКУТСКИХ ПОЭТОВ**

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

1922—1947

СЛАВНОМУ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ

**Якутской Автономной Советской Социалистической
Республики**

**посвящает свою работу автор переводов—
русский поэт**

ОТ РЕДАКЦИИ

Якут Таттинского улуса, народный учитель А. Е. Кулаковский в 1900 году написал стихотворение «Заклинение духа-хозяина леса». Стихотворение это было написано на родном языке автора, причём за отсутствием национального алфавита поэт пользовался русскими буквами. Год создания этой первой поэмы А. Е. Кулаковского считается годом рождения якутской художественной литературы, а сам поэт, после двадцати пяти лет творческой работы, получил имя зачинателя литературы ЯАССР.

Кулаковский не остался одиноким, следом за ним выступили со своими стихами, рассказами, пьесами якуты А. И. Софронов и Н. Д. Неустроев. Творчество этих трёх писателей¹ в основном сформировалось в досоветский период, и потому значительная часть их произведений не имеет единой, отчётливой идейности, характерной для литературы Советской Якутии более позднего периода. Но, при всех эклектических недостатках, будучи прогрессивным явлением для своего времени, характеризуя развитие якутской общественной мысли, творческое наследие зачинателей литературы ЯАССР и поныне не утратило интереса и значения.

К своему двадцатипятилетию (1922—1947) Якутская АССР приходит с большими достижениями во всех областях экономической и культурной жизни. Рост и развитие промышленности и сельского хозяйства Крайнего Севера особенно показательны на гигантской территории, занимаемой отдалённой республикой Российской Федерации—Якутией. Здесь, в тысячах километров от железных дорог, ярко видно социалистическое преобразование некогда гиблых окраин. Детище партии—Главсеяморпуть и многочисленные специальные новостройки оживили Восточную Арктику, в Заполярье возникли заводы, порты, рудники. Осуществлена коллективизация сельского хозяйства и промыслов. Колхозные поля подходят к полярному кругу. Рыбаки, охотники, оленеводы стали хозяевами богатейших угодий.

Рост культуры Якутии наглядно иллюстрирует достижения ленинско-сталинской национальной политики. Техникумы, школы, клубы, читальни, детские дома, санатории и лечебные учреждения—стационарные и подвижные—стали обычным явлением даже в малонаселённых зонах тайги и тундры. Телеграф, телефон, радио, авиапочта связывают самые глухие уголки Республики с центром.

Особое значение в условиях Якутии приобрели новые авиалинии, так как железных дорог на территории ЯАССР ещё нет. Но уже проложены тысячи километров автомобильных трактов и работают речные и морские пароходства.

Гордостью Якутии является развёртывающаяся база Академии наук СССР и первый ВУЗ—Государственный педагогический институт. Гор-

¹ Вниманию интересующихся рекомендуем книгу Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя». Якутгосиздат. 1944.

достью советской Якутии являются также молодое искусство и литература, театры, музеи, газеты, издательство. «Полярная пустыня», как называли старую Якутию первые путешественники, ныне согрета партией Ленина—Сталина и великим русским народом. Солнце творческого труда озаряет Якутию и в студёную зиму, и в полярную ночь.

Не случайно в творчестве современных якутских поэтов тема весны является наиболее любимой. Она как бы противостоит поэзии старой Якутии, где мотивы зимы, мотивы тяжёлых раздумий и сомнений, скептическая оценка существовавшего тогда уклада жизни и быта являлись основными темами творчества. К чести зачинателей якутской литературы они всё-таки не теряли надежд на лучшее будущее и во многих своих произведениях призывали родной народ к борьбе за высокие идеалы. Надежды первых писателей-якутов уверенно зазвучали после Октябрьской революции, особенно после разгрома колчаковщины и освобождения Сибири от белобандитов и интервентов. Одно из последних стихотворений А. Е. Кулаковского, посвящённое Красной Армии (см. «Армия Снежно-Ледяной Страны»), живой художественно-политический документ, выразивший чувства признательности русскому народу и большевистской партии—освободителям и преобразователям Севера.

На смену рано умершим А. Е. Кулаковскому, А. И. Сафронову и А. А. Кюндэ пришли молодые силы, и сейчас писательская организация Якутии—значительный отряд советской литературы, имеющий своих талантливых прозаиков, поэтов и драматургов.

Литература ЯАССР началась с поэтической формы, и поэзия поныне остаётся наиболее сильным разделом национального художественного слова. Данный сборник не является антологией и не претендует на всеобъемлющий показ поэзии советской Якутии. Здесь подытожены лишь некоторые творческие работы русского поэта, много лет занимающегося изучением и переводами якутской поэзии. Тем не менее, книга знакомит с образцами творчества почти всех наиболее значимых поэтов Якутии. Кроме того, в сборнике представлена поэзия слепого импровизатора М. Н. Тимофеева-Терёшкина, а также даны переводы нескольких произведений современного поэтического фольклора. Особый отдел в книге составили переводы из эвенкийских поэтов. Эвенкийская литература ещё рождается, растёт вместе с эвенкийским народом, приобщённым к культурной жизни лишь после Октября. Эвенки (тунгусы) недавно получили письменность и всё, что создано эвенкийскими поэтами—это лишь начинания, относящиеся к годам первых сталинских пятилеток. Переводы из этого отдела дают некоторое представление о творчестве наиболее значимых поэтов из национальных групп эвенков, проживающих на территории ЯАССР. Эвенкийские поэты Дальнего Востока и Сахалина в книге не представлены.

Русский читатель до сих пор мало знаком с литературой народов Сибири, между тем многое из созданного национальными писателями является ценным вкладом в общий свод достижений литературы народов СССР.

Большинство публикуемых переводов выполнено с подстрочников из фондов Якутгосиздата и Иркутского областного издательства ОГИЗ'а. Значительная часть переводов авторизована. Краткие биографические справки о поэтах, представленных в сборнике, даны переводчиком.

Выпуск книги Иркутское издательство приурочивает к двадцатипятилетию Якутской Автономной Советской Социалистической Республики, являющемуся знаменательной датой в истории Советской Северной Азии.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ О ПОЭТАХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СБОРНИКЕ

(в порядке расположения переводов)

А. А. Кюндэ (Иванов Алексей Андреевич) (1898—1934).

Уроженец Сунтарского района. Образование получил в Иркутской учительской семинарии, которую окончил в 1917 году. Член ВКП(б). Работал учителем, редактором республиканской газеты, учёным секретарём комитета нового алфавита. Печататься начал с 1923 года. В 1926 году вышла первая книга стихов. Будучи глубоко-эмоциональным лириком, много песен и стихов Кюндэ посвятил природе и быту родной Якутии, но одновременно писал и агитационные произведения. Из последних необходимо отметить поэмы: «Новая вера» и «Грядущее», в которых автор воспел свои идеалы—коллективизацию (хотя в те годы колхозов в Якутии ещё не было) и грядущую жизнь коммунистического общества.

Лирика Кюндэ исключительно музыкальна и оптимистична. Лишь немногие ранние стихи (см., например, «Песни, которые я пою») несут в себе мотивы внутренних противоречий, побеждённых впоследствии жизнеутверждающей философией советской эпохи.

Таллан Бюрэ (Сивцев Ефрем Степанович).

Родился в 1909 году в Намском районе. Образование получил в Педагогическом институте. Печатается с 1929 года. Литературную работу поныне совмещает с педагогической работой, руководя одной из крупных сельских школ. Таллан Бюрэ участник гражданской войны на Крайнем Севере, член ВКП(б).

Оригинальный лирик, Таллан Бюрэ работает и в области эпической поэзии. Его историческая поэма «Воин Эрилик» недавно вышла отдельным изданием в Якутгосиздате («Уолан Эрилик». Якутгиз, 1945).

Кюннюк Урастыров (Новиков Владимир Михайлович).

Родился в 1907 году в Амгинском районе. В 1942 году окончил Якутский Педагогический институт. Печататься начал в 1927 году. Член ВКП(б).

Урастыров выпустил ряд книг стихов, поэм и песен. Наиболее крупным произведением его является поэма «Коммунист Семён», написанная на темы коллективизации якутской деревни. Урастыров известен в Якутии как автор многих популярных песен, ему принадлежит также публикация олонхо «Богатырь Джагарыма с пушистошёрстным рыжим конём». В годы Отечественной войны Урастыров написал большую поэму «Война и воин».

Чагылган (Винокуров Илья Дорофеевич).

Родился в 1914 году в Намском районе. Образование получил в Педучилище. Печататься начал в 1931 году. Литературную работу долгое время совмещал с редакторской и педагогической. Особенно интересны песни Чагылгана, вошедшие в репертуар массовой самодеятельности. Чагылган работает успешно как переводчик русских поэтов-классиков. Им переведён на якутский язык ряд произведений Лермонтова, Пушкина и др.

Хара (Кузьмин М. И.)

Один из молодых поэтов, выявившихся в годы Великой Отечественной войны, активным участником которой является и сам поэт. Якутгосиздат в годы 1943-1946 выпустил несколько книг стихов и песен Хара.

Кюн Джирибинэ (Саввин Степан Афанасьевич).

Родился в 1903 году в Чурапчинском районе. Окончил КУТВ. Член ВКП(б). Кюн Джирибинэ активный участник гражданской войны в Сибири и Великой Отечественной войны. Печататься начал в 1928 году.

Среди якутских писателей Кюн Джирибинэ занимает особое место, являясь не только одарённым поэтом-песенником, но и первым якутским баснописцем-сатириком.

Туласынов Пантелеймон Яковлевич.

Родился в 1916 году. Образование получил в Якутском Педагогическом институте. Печататься начал в 1936 году. Якутгосиздат выпустил книгу лирики Туласынова «Зеленеющий подснежник».

Бэрияк Алексей Алексеевич.

Родился в 1912 году в Устьалданском районе. Получил среднее образование. Член ВКП(б). Работал редактором Якутгосиздата. Печатается с 1929 года.

Бэрияк в якутской поэзии является представителем публицистического жанра, им написано много агитационных песен и стихов, часть которых собрана в книгах. В годы Отечественной войны вышел его сборник агитстихов «За Победу». (Якутгосиздат. 1943).

Васильев-Борогонский Сергей Степанович.

Родился в 1907 году в Устьалданском районе. Образование получил в Якутском педучилище. Член ВКП(б). Депутат Верховного Совета ЯАССР. В 1929 году опубликовал первую большую поэму «Аргель Романа», посвящённую колхозной деревне. В последние годы Якутгосиздат выпустил более десяти книг стихов и поэм Васильева-Борогонского, написанных, главным образом, на оборонные темы.

Амма Аччыгыйа (Мординов Николай Егорович).

Родился в 1906 году в Таттинском районе. Окончил II МГУ. Работал редактором Якутгосиздата. Печатается с 1927 года.

Амма Аччыгыйа один из самых значительных литераторов советской Якутии, он успешно работает в области прозы, драматургии и поэзии. Отрывки из его большого романа «Весенняя пора» (Якутгосиздат. 1944) переведены на русский язык. Многие драматургические произведения Амма Аччыгыйа неоднократно ставились на национальной сцене. Отдельные произведения Амма Аччыгыйа в переводах печатались во всесоюзных изданиях.

Автор романа, ряда повестей, многих рассказов, пьес, поэм и стихов, Амма Аччыгыйа известен как талантливый переводчик русских классиков. Недавно им закончен перевод на якутский язык романа Л. Толстого «Анна Каренина».

Тимофеев-Терёшкин Михаил Николаевич.

Родился в 1883 году в Верхневилуйском районе. Учился в Якутской духовной семинарии, затем учительствовал, был приказчиком, писарем, работал в кооперации, в земстве. После 1920 года был на руководящей советской работе, избирался членом ЯЦИК. С 1923 года сотрудничает в периодической печати на русском и якутском языках. Многие годы изучал пушное дело на Севере, этнографию и фольклор. В 1927 году ослеп.

Отдельные сборники М. Н. Тимофеева-Терёшкина: 1) «Якуты на войне», в русском переводе. Иркутск. Огиз. 1942. 2) тоже, второе издание. Якутгиз. 1943. 3) тоже, на якутском языке, «Сахалар Сэрингэ». Якутгиз. 1943. 4) «Якуты в тылу», в русском переводе. Якутгиз. 1944. 5) тоже, дополненное издание. Иркутск. Огиз. 1944. 6) тоже, на якутском языке, «Сахалар Тыылга». Якутгиз. 1944. 7) «Сказанья о вождях» в русском переводе. Якутгиз. 1945.

Эвенкийские поэты: Никита Сахаров, А. Кириллов, Султураева, Молчанов, Бираулев, С. Пикунов, Алексей Платонов.

Био-библиографических данных в распоряжении редакции не имеется. Большинство эвенкийских поэтов училось в институте Народов Севера (Ленинград). Все они печатались в коллективных сборниках, некоторые имеют и отдельные издания. Песни и стихи, печатаемые здесь в переводах, частично помещены в книгах для чтения на национальном языке для эвенкийских школ.

Софронов Амнеподист Иванович (1886—1935).

Один из зачинателей якутской литературы. Родился в Таттинском районе. Окончил церковно-приходскую школу, работал наборщиком в типографии газеты «Якутский край». В 1912 году написал поэму «Родина», в 1914 году драму «Бедный Яков» и поэму «Песни духов». Последняя, будучи написана в начале империалистической войны, получила впоследствии сочувственный отклик Горького, вспомнившего в письме «Первому съезду литераторов Сибири» (газета «Правда», 1928. № 92) гуманистические мечты якутского поэта.

Особенно плодотворно А. И. Софронов работал в области драматургии, создав более десяти пьес. Написанные в большинстве на бытовые темы, пьесы Софронова пользовались успехом у зрителей и не утратили исторической значимости до наших дней. Из произведений, написанных А. И. Софроновым в советский период, выделяются драмы «Божья кара» (1931) и «Всё от них» (1933), в которых автор даёт картины классовой борьбы, разгоревшейся в Якутии после свержения царизма и колчаковщины.

Поэтическое наследие А. И. Софронова, по сравнению с его драматургией, ещё мало исследовано.

Кулаковский Алексей Елисеевич (1877—1926).

Родился в Таттинском улусе. В 1897 году окончил Якутское реальное училище. Долгое время работал учителем в разных районах. Ведя своего рода кочевой образ жизни, Кулаковский в течение 22 лет объездил почти всю огромную территорию Якутии от Колымы до Вилюя и от полярных морей до Витима. Собирая фольклор, ведя этнографические наблюдения, Кулаковский первым начал писать стихи на родном языке.

Созданная в 1900 году поэма «Закливание Баянаю» положила начало литературе якутов.

За двадцать пять лет литературной, научной и общественной деятельности А. Е. Кулаковский написал ряд научных работ, сотни стихов, поэм и песен. Большинство поэтических произведений опубликованы впервые в двух книгах в 1925 году. Из многих научных трудов Кулаковского наиболее значительны исследования: «Якутские пословицы и поговорки» и «Материалы по изучению верований якутов».

Важнейшими поэтическими работами А. Е. Кулаковского являются поэмы «Сновидение шамана», «Дары Лены», «Скупой богач». Философические поэмы, лирика, сатира и юмор—все эти жанры широко представлены в произведениях Кулаковского. Будучи типичным для своего времени мелкобуржуазным гуманистом-просветителем, Кулаковский разоблачал бесперспективность царизма, призывал якутов к «торжеству разума», к слиянию с великим русским народом, к освоению высшей культуры, в чём и видел единственный выход для якутов, угнетаемых не только царизмом, но и национальной буржуазией—тойономатом.

Наиболее характерны для поэзии Кулаковского в советскую эпоху стихи «Армия Снежно-Ледяной Страны». В этой поэме, посвящённой VII годовщине РККА, старый поэт сумел ярко выразить не только новые авторские взгляды, но и характеризовал политический перелом всей якутской интеллигенции, твёрдо вставшей на платформу советской власти и признавшей национальную политику ВКП(б), как единственный путь в будущее.

Литературные труды А. Е. Кулаковского представлены в собрании стихов и поэм, изданном в двух томах в 1925 году («Ырыа Хогон». Якутск. 1925. Издание литературно-переводческой комиссии НКПЗ) и переизданных отдельником в 1946 году (А. Е. Кулаковский «Ырыа Хогон». Якутгосиздат. 1946).

В русском переводе отдельных изданий до сих пор ещё не выходило. Отдельные произведения, переведённые на русский язык, неоднократно печатались в сибирских альманахах и сборниках.



ПОЭЗИЯ
Советской Якутии

ЖИЗНЬ

Неровные вершины гор.
Согбённых лиственниц убор.
Костлявых сучьев рединà.
Повсюду—ночь и тишина.

Под одеялом из снегов.
Не видно низеньких кустов.
Живого нет нигде следа.
Стоят большие холода.

Высоко где-то, сквозь туман
Луна вздымает ятаган.
Желтеет в тучах зябкий свет,
И мёртвым звёздам счёту нет

А на земле мороз и мрак.
Деревья встали кое-как.
В тяжёлом инее стволы
Едва маячат среди мглы.

Но жизнь и тут не замерла:
Пылинка вечного тепла
На омертвелом берегу—
Пичужка прыгает в снегу.

Порхает. Вьётся меж ветвей.
Пестреют пёрышки на ней.
Заиндевелое крыло
Оттенок снега обрело.

Но, нет! Она жива, жива!
И пусть заметная едва,
С бусинками на месте глаз,
Смешной покажется для вас.

Как будто гвоздики торчат
Сухие лапки, обе в ряд.
И вот, запрыгала она.
И раскололась тишина.

Пищит, чирикает, поёт.
Должно быть, тоже солнца ждёт...
В полярных сумерках зимы
Кусочек жизни видим мы.

БЕЛЫЙ ЖУРАВЛЬ

Гранёноклювый, остроглазый,
С ногами длинными висячими,—
Живёт небесным верхолазом,
Сдружившись с полднями горячими.

Он белокрылый и медлительный,
Повиснув в воздухе, качается,
И только крик его пронзительный
На землю будто излучается.

Да иногда перо чеканное,
Как бы огнём посеребрённое,
Навстречу путнику, случайное,
Ложится с неба,—подарённое.

СТЕЛЕТСЯ ДЫМ

Вечер весенний прохладен...
Из-под размытого льда
Талая льётся вода.
Сумрак долины отраден.

Вот и поля вдальеке...
Узкой тропой потихоньку
Еду, нагнувшись к луке,
Мыслям дремотным вдогонку.

Встали берёзы в кружок...
А за берёзами ерник—
В ернике вьётся дымок,
Сумрака серый соперник.

Весело стелется дым...
Медленно к небу всплывает.
Вот и запахло родным,
Тем, что душа понимает.

Запах мальчишеских лет...
Запах огня и ночлега.
Родины тёплый привет.
Бодрости вешняя нега.

Тлеет горящий кизяк...
Снова мне радость знакома.
В запахе этом, друзья,
Близость отцовского дома.

ЛЕТНЕЕ

Кудрявится зеленью хвоя,
Лениво щебечет листва.
В потоках июльского зноя
Нарядною встала трава.

Два озера сразу открылись:
Большое—сверкнуло слюдой,
А малое в тень затаилось
Жемчужною тусклой водой.

В дремоте горячего полдня
Шептались побеги травы,
Цветы говорили сегодня...
(Но нам не понять их молвы).

Пылающим шёлком расшитый
Глубоко лежал небосвод,
Молочную пеной покрытый
У самых далёких высот.

Внизу в испарениях лета
Дышали цветами поля,
И ласковым ветром привета
Шумела родная земля.

КАСАТКА

По сторонам чернеющей тропинки
(На жёлтой глине так она видна)
Толпится поросль.
Хвойные щетинки
Рядами встали,
Будто бы стена.

Прохладой веет.
Щедрые обновы
Земля надела на-лето опять.
Цветы кругом
То сини, то лиловы.
А всех оттенков глазом не обнять.

В пахучем зное дремлющей поляны
Трава-касатка, венчиком звеня,
Струит свои волшебные дурманы,
Пьянит и манит юношу, меня...

Что вижу я?
Вот, платье голубое,
Тёмнозелёный, тонкий поясок,
Лицо любви беспечно-молодое,
На голове—лиловенький платок.

Я вижу глазки милой горностайки,
Над ними дуги чёрные бровей,
Румянец щёк, улыбку без утайки,—
Всю прелесть спелой девушки полей.

Касатка, ты?
Но не трава «касатка»,
Живой цветок тропинкою идёт,
Глядит на небо, щурится украдкой,
Зелёную веточку грызёт.

Прохладно здесь...
И вся она прохладна,
В тиши, в дурманном запахе цветов,
В траве по пояс, ласкова, нарядна
Скользит среди восторженных лугов.

Идёт в траве. И словно бы купаясь,
Цветком играет в маленькой руке.
И видно ждёт кого-то, улыбаясь,
Моя касатка ¹ в шёлковом платке.

ПОХВАЛА ИНОХОДЦУ

На круглой таёжной поляне,
За изгородью обветшалой,
Пасётся в верёвочных пятах
Стреноженный мой иноходец,
Мой пегий хороший приятель.

Зелёную травку нюя,
Насытись, он щиплет лениво.

¹ Касатка—орхидейное растение, полярный цветок.

Вот я подхожу к иноходцу,
За гриву беру расторопно,
Потник из душистого сена
На спину кладу поудобней—
Седло это будет не жёстко.

Седлаю коня полегоньку,
Оглядываю неторопливо.

Блескучей удилой из меди,
Сукном изукрашенной алым,
Набором узорчатых бляшек
Взнуздал моего иноходца
И сбросил тяжёлые путы.

Обрадовался мой приятель:
Соскучился, видно, без дела.

Почуяв свободную поступь,
Мой пегий захлопал глазами,
Предвидя, что скоро в дорогу,
Взмахнул перепутанной гривой,
Хвостом замахал с оживленьем,
Приподнял широкие уши,
И, ноздри свои раздувая,
Ударил размякшую землю
Копытами нетерпеливо.
Эх, трудно коню дожидаться!

А я подпоясался туго.
Пальтишко своё застегнувши,
Расправил помятые пды,
Покрепче надвинул на брови
Бывалую чёрную кепку.
Бывалым шарфом полосатым
Закутал как надобно шею,
Надел понарядней, перчатки,
Простился с семьёю и с домом,
И сел на седло иноходца.

Он всадника дружески встретил,
Рванулся всем корпусом сразу.
Четыре округлых копыта,
Как чёрные мячики, быстро
С земли подскочили без шума.

Одно за другим неприметно,
Стремительно, шибко и плавно
Копыта коня замелькали
Упруги, легки и скользящи, —
Едва до земли прикасаясь.

Как волны размашистой Лены,
Несут, на хребтах колыхая,
Якутские грузные лодки,
Так нёс меня мой иноходец,
Волнуясь в напористом беге.

Иноходью ехал я
По тайге густозелёной.

Лёгкой рысью ехал я
Между ельников кустистых.

И галопом ехал я
По тропинкам в сухостое.

Шагом спорым ехал я
Через поймы луговые.
По долинам травянистым,
По распаханым еланям,
По кочкарникам корявым,
По горам и по межгорьям, —
Ехал быстро,
Ехал плавно,
Ехал тихо,
Ехал тряско,
Ехал долго,
И такую думу думал
Сам себе на удивленья.

Есть на свете самолёты,
Между туч они летают,
Высоко под небом мчатся.
И у них такая скорость,
Что и пуля не догонит.

Есть на свете самоходы,
Пожиратели бензина.
На протоптанных дорогах
Сквозь любые расстоянья
Пробегут не отдыхая.

Есть на свете паровозы,
По железным гладким рельсам
На своих чугунных лапах
Эти дивные машины
Землю всю исколесили.

Но в моём улусе дальном
Я таких чудес не видел,
А зато наверно знаю,
Что по всей округе этой
Пегий друг мой, иноходец,
Всех других коней обгонит;
По любой пройдёт дороге,
Пробежит по бездорожью;
Не споткнётся, не устанет,
Повод попусту не дёрнет,
Будет слушаться уздечки...
Потому и говорю вам:
Лучше нет его на свете

Примечание. Якуты центральных и южных районов ЯАССР—страстные любители коней. Коню посвящены многие песни, сказки и бесчисленные импровизации.

Таллан Бюре

МОЛЕНИЕ МОРЮ

(подражание древнеякутскому)

Грозное море.
Ветер свиреп.
Парус на лодке ещё не окреп.
Пристани нету.
Берег жесток.
Кто ты на лодке, так одинок?

Кто и откуда?
Кто и куда?
Как ты родился, где и когда?
Сын урагана,
Спутник ветров,
Странствовать в буре всюду готов.

Скорбью и гневом
Был ты рождён,
К вечным скитаньям ты присуждён.
Волны сомнений—горечь твоя,
Имя твоё—в тайниках бытия.

Тёмное море,
Ты сохрани
Парус скитальца в трудные дни.
Камень подводный,
Водоворот
Киль его лодки пусть обойдёт.

В годы гонений ¹,
В горестный час
Сердце своё он надежде отдаст.
В пламени боя
Песни-огни,
Грозное море, ты сохрани!

ПАМЯТЬ ПАРТИЗАНА

Словно факел золотой
Гаснет месяц молодой.
На гранитную скалу
Вечер гонит полумглу...

На скалу они вбежали,
Месяц взглядом провожали.
А внизу, туманом скрытый,
Город спал, людьми забытый.

Глянув ласково в глаза,
Парень девушке сказал:
— Видишь, ты, винтовку эту?
С ней пойду за власть Советов!..

Руки горько опустила,
Побледнела, загрустила.
Тёплым словом «не забудь»—
Проводила в смертный путь...

В тишине водою чёрной
Горный ключ звенел упорный.
А внизу, туманом скрытый,
Город спал, людьми забытый...

¹ Стихи написаны в эпоху гражданской войны, в день выступления якутского Красного партизанского отряда у моря Лаптевых против белогвардейских националистических банд. Автор—бывший красный партизан, член ВКП(б).

И недаром сердце ныло—
Не вернулся парень милый.
В битве яростной, кровавой
Партизан погиб со славой...

...На скале не слышно песен.
Мир для девушки стал тесен.
Но живёт её любимый
В песне родины хранимый.

АПРЕЛЬ

Весна пришла
И привела
С собою первых птиц.
В сияньи дня
Блестящекрыл
Малютка-жаворонок взмыл
Предвестником зарниц.

Цветам лугов,
Кустам лесов,
Усадьбам и домам:
«Джири-джири»—
Привет зари,
Благословение весны
Приносит в песне нам.

Спешит певец.
Он, наконец,
Стал гостем на земле...
Увы, земля ещё тверда.
А он спешит
Туда-сюда,
Копается в золе.

Вода и грязь,
Ручьём струясь,
Покрыли всё кругом.

Травинок нет,
И зёрен нет,
Нет даже мухи на обед,
И холодно притом.

Пищит «ой-ой»
Несчастный мой,
Головку опустил.
И вдруг он
В лужице одной
Увидел носик тонкий свой,
И перья распустил.

Хорош! Красив!
И горделив.
И в лужице блестит.
Ему понравился свой вид,
Он словно в зеркало глядит
И песенку свистит.

РУЧЕЙ МАНЧАРЫ

В какой долине ты рождён,
Куда бежишь?
Или озёр весенний сон
В себе хранишь?

Очарованье дальних дней
Кипит в крови.
Ты разбудил в душе моей
Тоску любви.

Здесь я Аилу целовал
На берегах;
Манчары¹ вольный след искал
В густых цветах.

¹ Василий Манчары—легендарный герой якутского народа.

Свободный, юный он со мной
В мечтах всегда.
Сверкает вечною весной
Его звезда.

Беги, беги, ручей любви,
В счастливый путь!
И в песне нас с собой зови,
И сказкой будь.

К. Урастыров

КУКУШКА

В зарослях пышной сосны
Нынче поёт на опушке
Птица якутской весны,
Скромная птица—кукушка.

Отгрохотал ледоход,
Солнце потоками льётся;
Тёплое утро идёт,
Песня в тайге раздаётся.

Радостно стало вокруг.
Песенку слушай, мой друг.
Кук-куук!
Кук-куук!

Северный кончился сон,
Ожили чащи лесные.
Песни весенний трезвон
Будит раздолья родные.

Скрылась ненасытная мгла.
Наша тайга зацветает.
Светлое время тепла
Песня для нас обещает.

Весело стало вокруг.
Песенку слушай, мой друг.
Кук-куук!
Кук-куук!

Блещет лазурью волна.
Синее небо просторно.
Новою силой полна,
Грудь поднимается вольно.

Запах смолистой тайги,
Краски цветов молодые,—
В сердце своём сбереги,
Слушай напевы простые.

Солнечно стало вокруг.
Песенку слушай, мой друг.
Кук-куук!
Кук-куук!

Верь мне, что счастье всегда
Было и будет с тобою.
Встанут былые года
В песне весенней мечтою.

Вечно надежда цветёт,
Будущность славится вечно.
Скромная птица поёт¹.
Время летит быстротечно.

Вечером выйди на луг.
Песенку слушай, мой друг.
Кук-куук!
Кук-куук!

ПРОЩАЙ, КАВКАЗ!

Прощай, Кавказ! В далёкий путь
Судьба опять меня зовёт.
Утёса каменная грудь
Моё пусть имя сбережёт.

¹ Прилёт кукушки в Якутии знаменует начало устойчивой весенней погоды, как в России прилёт грачей.

Быть может вспомнишь ты, утёс.
Твоих певцов, твоих гостей,—
Кто для тебя сюда принёс
Волненье юное страстей.

Сто лет назад здесь был поэт,
Поэт—изгнанник и герой;
Здесь он восславил счастья свет,
И свет зажётся над тобой.

Поэта здесь я вспоминал,
О нём грустили облака.
Бессмертной бронзой Пушкин стал,
Стихи его звучат в веках...

Родился я в иных краях—
Певцом тайги и снежных бурь,—
Но песня скромная моя
Твою приветствует лазурь.

Кавказ, Кавказ! Твоих цветов
Дыханье пил я как вино.
Игру весенних соловьёв
И мне послушать суждено.

Прохладой сладостной томим,
Я со скалы спускался вниз:
Мне рассказали сны свои
И эвкалипт, и кипарис.

В разливе горного ручья
Струились звёзды под водой.
Свободным сердцем слышал я
Напевы жизни молодой.

С напевом этим я вернусь
Туда, где Лена гонит лёд.
И там моя подруга пусть
Весенней птицей запоёт.

Кавказ, на родине моей
Тебя мы будем вспоминать,
Любить тебя ещё сильнее
И новой встречи ожидать.

Года пройдут. И может вновь,
Как старый друг к тебе приду,
Храня в душе мечту-любовь,
Как сокровенную звезду.

ИВА И РУЧЕЙ

В тесной расщелине горной,
Между замшелых камней,
Прозрачный и проворный
Весенний бежал ручей.

На старых обветренных скалах,
Раскинувшись над водой,
Цветущая ива плескала
Серебряною листвою.

«Скажи ты мне, нетерпеливый,
Куда ты спешишь, куда?...»—
Спросила плакучая ива,
Задумчивая всегда.

Ручей отвечал журчаньем:
«Спешу из этих теснин,
Спешу к широким сияньям,
К просторам больших равнин.

Там ждёт меня мать моя Лена—
Могучий родной поток.
Я здесь—лишь частица вселенной,
А там я—
Её итог...»

«Ты солнце увидишь, счастливый,
Сольёшься с великой волной,—
Промолвила грустная ива,—

А мне умирать здесь одной...»
Струя закипела бурливо,
Запела звонко в ответ:
«Отдай семена мне, ива,
В них золота тёплый свет.

Отдай мне янтарное семя,
Я к Лене его снесу,
А паводок выберет время—
Зароет в прибрежном лесу.

Семя весной отродится,
Выйдет тёплый росток,
Берег им будет гордиться,
Поить его будет поток.

Силой твоей налитая,
Раскинет поросль кусты.
В семени оживая,
Будешь бессмертной ты...»

Падала осени сырость,
Минуло время тепла.
Ива к ручью наклонилась,
Зёрна свои отдала.

Волны помчали их к Лене,
Горы открыли проход...
Вечен и совершенен
Жизни круговорот.

ЯКУТСКИЙ РОМАНС

О, счастье волшебного сна,
Останься со мной наяву!
Улыбкой ты озарена,
Я солнцем тебя назову.

Прекрасней тебя и нежней
Весна на земле не нашла.
На родине дальней моей
Ко мне ты во сне подошла.

Вся яркость полярных цветов
Померкла в сверканьи твоём,
И ветер запеть был готов
О счастье с тобою вдвоём...

Подснежник тайги голубой
О розе не смеет мечтать,
Но я, вдохновлённый тобой,
Решаюсь тебя воспевать.

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Теперь ты далёко-далёко,
Любовь—молодая звезда...
Но ветер поёт мне с Востока
Душа моя не одинока:
Сияешь ты в ней навсегда.

Взяла моё сердце с собою—
На память его сохрани.
Прекрасной певучей мечтою,
Ты станешь моею судьбою,
Как в те невозвратные дни.

Пусть будет счастливой тропинка,
Где нынче идёшь ты одна,—
Ты, гостья тайги, украинка,
Залётная сказка-снежинка,
Цветущая песня-весна.

ВОИНУ-ЯКУТУ

Тяжела дорога боевая,
Сквозь огонь и смерть тебе итти.
Пусть звенит, на битву вдохновляя,
Олонхо¹ с тобою по-пути.

Пусть земли родной благословенье
Жизнь твою в опасности хранит,
На полях последнего сраженья
Пусть тебя бессмертьем осенит.

Береги среди воспоминаний
Тот огонь, что на сердце горит,—
Многоцветье северных сияний,
Снежный блеск полуночной зари.

Вспомни силу ленского прибоя,
Тот прибой кипит в твоей крови.
Будь достоин имени героя
И других на подвиг позови.

ПЕСНЯ О ГЕРОЕ

Памяти Героя Советского Союза
Ф. К. Попова

Железная вьюга гремит над Днепром,
Снаряды, взрываясь, режут.
Ещё не успели наладить паром,
Но храбрые люди не ждут.

Бросается в волны советский солдат,
Отважный якут-патриот,
Подняв над собою родной автомат,
На западный берег плывёт.

¹ Олонхо—якутская героическая легенда.

Рождённый на Лене умелый пловец
Под пулями Днепр переплыл,
Тяжёлой гранатой ударил боец—
Чужой пулемёт раздавил.

В немецком окопе могучий якут
Врагов в рукопашную бьёт.
Ему на подмогу понтоны плывут,
И наша пехота идёт.

Фашистская свора на запад бежит.
Победные залпы гудят.
Герой переправы убитый лежит,
Сжимая в руках автомат.

Его схоронили в днепровском песке.
А слава на Лене живёт.
И песню о нашем родном земляке
Отчизна поныне поёт.

Хара

ПЕСНЯ ОБ АЛЛАХ-ЮНЕ

В небо взметнулись граниты.
Золотом бьёт полнолуны.
Рёв водопадов сердитых
Рвётся к тебе, Аллах-Юнь:
— Недра твои знамениты,
— Золото дай, Аллах-Юнь!

Глухи таёжные норы,
Лоси не ходят сюда.
Но через тёмные горы
Льётся живая вода:
Мы озарили просторы
Солнечной песней труда.

Родина нас ободряла,
Партия твёрдо вела.
Новая жизнь просияла
Там, где пустыня была.
Чрево земля открывала—
Золото нам отдала.

Сила росла трудовая—
Люди в работе росли,
Город в тайге создавая,
Песню с собою несли:
— Славься, тайга золотая,
— Славы тебе припасли...

День-ото-дня мы трудились,
Рук не жалея своих.
Нашей удаче дивились
Много друзей дорогих:
Родине мы поклонились
Слитками недр золотых.

В годы войны всенародной
Наш Аллах-Юнь не затих,
Каждый горняк благородный
В шахте вставал за двоих!
Отдан металл самородный
Делу побед фронтовых.

В небо взлетели граниты,
Золотом бьёт полнолунь.
Рёв водопадов сердитых
Рвётся к тебе, Аллах-Юнь.
Славой Победы покрытый,
Золото дай, Аллах-Юнь!

ЛЕТО

I

Не постареет солнце огневое
И не потухнет молодость моя...
Через тайгу, в раздолье полевое,
Вослед лучам сегодня выйду я.

Прекрасен мир и широки дороги!
Сомкнулись избы наших деревень.
Я в каждом доме слышу на пороге
Привет тебе, благословенный день.

Привет и вам, берёзовые рощи
В долинах рек на Татте, на Амге...
Поля колхозов ветерок полощет,
Стада пасутся в свежем травнике.

Здесь всё нарядно, зелено, чудесно!
Земля встречает летние деньки.
Листва поёт ликующую песню.
Цветы порхают, словно мотыльки.

В посёлках нынче свежие берёзки—
Украшен ими праздник—ысях:
Скользят в ветвях серебряные блёстки,
И воздух влажный зелёную пропах.

Прекрасны труд и отдых, и веселье
На молодой отеческой земле,
Где наша юность правит новоселье,—
Как те берёзки,—в солнечном тепле.

II

Пылает горн. Постукивает молот.
Кузнец опять работает с зари.
Колхозный друг мой радостен и молод.
Его работу знают косари.

Его уменье ценят на уборке...
Вот скоро грянет летняя страда,
И зашумят долины и пригорки
На урожайном празднике труда.

Гляди, гляди, как тучны наши нивы,
Как сенокосы пышны и густы!..
Сюда я шёл в вечерние разливы—
И здесь гуляла, ласковая, ты.

Огни костров. Огни в глазах любимых.
Журчанье мягких тёплых тальников.
С тобой я был счастливей всех счастливых...
Те дни прошли, ты нынче далеко.

А помнишь ночи? Светлые поляны.
Игра и пляска сверстников, подруг.

Ярчайших звёзд на небе караваны,
В реке заснувший лунный полукруг.

Как хорошо!.. О встрече сговорившись,
Встречая дружно новый день труда,
Мы, словно вешней свежестью напившись,
Не унывали, друг мой, никогда.

III

Был летний день. На берегу высоко
Среди берёз в тот день мы собрались;
Лежал пред нами путь войны далёко,
И мы Отчизне в верности клялись.

— Не посрамим прапрадедов и дедов,
Послужим честно Родине своей!
— Благослови же славой и победой,
Отчизна-Мать, любимых сыновей...

И нас Отчизна-Мать благословила,
Деревья, камни, кустики, цветы.
Вливалась в грудь волнующая сила,
Прощалось с нами Солнце с высоты.

Прощались наши матери родные,
Отцы наказ сказали боевой.
И в путь-дорогу заросли лесные
Шумели нам завет зелёный свой...

Туман и пыль. Военная дорога.
Огонь и смерть. Военная страда.
Но знали мы, у отчего порога
Нас будут ждать и завтра, и всегда.

Оружье с нами. Песни тоже с нами.
Поход большой—не месяц, и не год...
В дыму войны горящими степями
Солдат-якут с винтовкою идёт.

IV

Три года битв. Я многое увидел.
Три грозных лета. Я их перенёс.
Врагов Отчизны я возненавидел,
Перешагнул моря кровавых слёз.

Пути войны солдат не позабудет!
Скелеты павших в битвах городов,
Жестокий грохот бешеных орудий,
Тревожный стон пылающих садов.

Пути войны! Пустынные селенья,
Тяжёлый дым и чёрная зола.
Горело всё—и рощи, и строения,
И даже чьи то мёртвые тела.

Угарный чад. Обугленные нивы.
Берёз разбитых зыбкие стволы...
А сколько лиц—печальны, сиротливы—
Встречалось мне среди военной мглы.

Злодейств врага свидетели живые,
Они зовут: спасти и отомстить!
И мы спешим в пожары боевые,
Нам тяжело, но некогда грустить.

Все наши песни—стали песней мести.
Все наши думы—в будущих боях.
Несокрушим порыв солдатской чести,
Непобедима Родина моя!

V

И вот пришло Победы нашей лето!
Разбитый враг поверженный лежит.
И солнце—красным знаменем согрето.
Ведёт зарю на наши рубежи.

Затихла буря долгой канонады.
Свободно дышит мудрая земля.
А у людей восторженные взгляды,
И вновь в цветах просторные поля.

Жизнь будет лучше. Мир залечит раны.
Из пепла встанут избы деревень.
Зарей Победы—полымем румяным
Восходит наш благословенный день.

И верю я, в краю освобождённом,
Встречая утро радостного дня,
В посёлке новом, только что рождённом,—
Припомнят добрым словом и меня.

Быть может друг, украинский крестьянин,
В беседе скажет сыну своему:
— Тут воевал охотник-якутянин,
— Он немцев бил, спасибо, сын, ему!..

Спасибо!—Скажут мне в родном колхозе,
Когда я летом к дому доберусь...
Моя любовь, конечно, на покосе
И я туда сейчас же заявлюсь!

Кюн Джирибинэ

ПЕСНЯ СЕЛЬСКИХ КУЗНЕЦОВ

Белой ночи поводырь,
Вечер движется туманный.
Мирный отдых он несёт
Всей земле обетованной.

В тихой зелени лугов
Косы песню отзвенели,
И мой верный молоток
Отдыхает у постели.

Трудовой заснул народ,
Он не даром день работал:
В сером пепле, под золой
Сожжена его забота.

Утром жизнь придёт светлей.
На заре зажгутся горны,
Наковальня отдохнёт—
Встанем мы ещё упорней.

П. Туласынов

ПЕСНЯ ЯКУТСКИХ КОСАРЕЙ

Кумыс в чоронах¹ расплескав,
Весёлый и хмельной,
Шумит в долинах праздник трав
Июльской волной.

И в этой шёлковой волне
Густеющей травы,
Когда ты едешь на коне,
Не видно головы.

В зелёном бархате лугов
Гуляйте, косари!
Не ждите осени снегов,
Вставайте до зари.

Пока не высохла роса
Работать веселей:
Поёт крылатая коса
В руках у косарей.

Проснулся первый ветерок
И травы разбудил,
Цветов струящийся поток
Навстречу нам поплыл.

¹ Чорон—якутская чаша, особой удлинённой формы. Якутский сенокос открывается кумысным праздником—«ысыахом».

Покуда солнца красный мёд
Течёт с небесных гор,
Покуда осень не спугнёт
Последних птиц с озёр,—

В зелёном бархате лугов
Гуляйте, косари!
Наш урожай давно готов,
Вставайте до зари.

Заря за вами выйдет вслед
Работу проверять,
И приведёт с собой рассвет
Отставших подгонять.

В разливе солнечных огней
Прозрачна синева.
И чешет гривы у коней
Высокая трава.

Коса размашисто бежит,
Гуляйте, косари!
Лицо прохладой освежить
Вставайте до зари.

Вы, молодые косари,
Порхаете в лугах,
Как будто птицы-снегири
На солнечных цветах.

Кумыс в чоронах расплескав,
Блестя размахом кос,
Шумит весёлый праздник трав,
Якутский сенокос.

А. Бэрияк

ПОДАРОК

Мягкой замши рукавицы
Разузорены шелками,
Лисий мех на оторочке
Полыхает огоньками.

Из Якутии далёкой
Русский воин в час досуга
Получил подарок этот
От неведомого друга.

«Будь бесстрашен, храбрый воин»...
Так записка говорила.
И была в словах привета
Вдохновляющая сила...

Это девушка-якутка
Другу—русскому солдату
Посылала свой подарок
Как любимому и брату.

МЫ—ЯКУТЫ

Со временем прапрадеда Эллея
Мы встречали грудью все невзгоды,
В ледяной пурге не леденяя,
Дожидались солнечной погоды.

На земле суровой, нелюдимой
Наши предки с мужеством трудились.
Мы зовём Якутию любимой
И счастливы тем, что здесь родились.

Новый век на севере сияет,
Победило солнце непогоду,
И народ России помогает
Моему якутскому народу.

Животворна сила обновления.
Зацветают мирные долины.
Поднялись, окрепли поколения,
Молодые наши исполины.

Никакие стужи нам не страшны
И пурга отступит перед нами.
Сумрак ночи—вóрог наш вчерашний
Опрокинут вешними лучами.

По дорогам Ленинским великим,
По путям Победы величавым
Вождь Народов Сталин солнцеликий
Нас ведёт для подвигов и славы.

Защищая Родину святую,
Мы в боях душою закалялись
И, прославив Армию родную,
На фронтах бестрепетно сражались.

Свет Победы вечно будет с нами!
Словно гром ударили салюты.
Боевое Сталинское знамя
Поднимают воины-якуты.

Сергей Васильев-Борогонский

ПОЭМА О САБЛЕ

Если к небу клинок протянуть,
Станет матовой синяя сталь.
Если тихо клинок повернуть,
Облаков отражённая муть
Задымится, как тёмный хрусталь.

Если тонкий, блестящий клинок,
В час полудня плашмя положить,
Отражая горячий поток,
Лучезарно зажжётся клинок.
С ним мне долго придётся дружить.

Слушай, сабля моя,
Мы с тобою друзья,
Породнились мы крепко с тобой.
Твой хозяин и друг,
Скоротаю досуг,
Поведу разговор боевой.

На Уральских хребтах,
На Кавказских горах
Я взрывал динамитом руду,
Синий камень бурил,
Серый пласт раздробил,
Чёрных скал опрокинул гряду.

Недра отдали мне
Жар холодных камней,
Я расплавил те камни опять.
Сталь, кипя, потекла,
Растопясь как смола,—
Хорошо её было ковать.

Пышный спóлох огней
Заструился на ней,
Многоцветные блёстки зажглись.
Девять сплавов я брал,
Семь металлов сплавлял,—
Все в булатной закалке слились.

Чтоб звенел мой булат,
Чтоб гудел как набат,
Чтобы сталь самолучшей была—
Докрасна́ нагревал,
Дочерна́ проковал,
Охлаждал мой булат добела́.

Наковальни простор
На лугу распростёр
(Наковальня—как сена стожок).
Молот словно ушат
Был увесист, пузат,
Ударял—будто делал прыжок.

Свой булат я сковал,
Чтоб в боях он стоял,
Защищая отчизну мою.
Чтоб родных и друзей
Силой грозной своей
Заслонил он в тяжёлом бою.

Остриё отточив,
Пыль колючую смыв,
Долго лезвие я шлифовал.
Терпеливо сверлил,
Протирал и скоблил.
Наконец, мой клинок засиял.

Чтоб удар был верней,
Чтоб размах был сильней,
Чтобы легче рубиться с врагом—
Саблю я заострил
И насечкой покрыл,
И узором украсил кругом.

Словно бритва остра
Боевая сестра,
Тоньше волоса край лезвия.
Будет головы сечь,
Лёгким посвистом жечь
Смертоносная сабля моя.

Сталь упруго-тверда
И всегда молода,—
В ней утеха и радость бойцов.
Словно ящер-варган
Сабля вытянет стан,
Не ломаясь согнётся в кольцо.

Кангаласской водой,
Ледяною шугой
Мой булат по ночам я студил:
В тёплой ленской волне
Он потом потемнел,
Согревался и снова остыл.

Падал пот на металл,
Чтобы ядом он стал,
Оседая в насечках кривых;
Чтоб он яростней бил,
Я металл напоил
Алой кровью из пальцев своих

Пусть же слава идёт
Вместе с песней в поход,
Пусть узнают о сабле моей.
На широких путях,
В зарубежных краях
Этой сабли не будет смелей.

Золотой мой Алдан
Самородок мне дал,
Цепь я сделал литуую к ножна́м,
И чудесный узор
Мастер северных гор
Отчеканил на радость всем нам.

Для широких кистей
Бусы лучших мастей
Подбирала девица одна.
Берестяный чехол
В Туймаде я нашёл,—
Там родная моя сторона.

Слушай, сабля, теперь
Слову песни поверь,—
Твой хозяин тебе говорит,—
Будем драться в бою,
Я с тобой разделю
Всё, что нам впереди предстоит.

Быстролётною будь,
Береги мою грудь,
Не пугайся фашистских штыков,—
Налетая руби,
Без пощады губи,
Отбивай все удары врагов.

Боевые года
Будут славны всегда:
Поколение бессмертных встаёт.
Напряжённые дни,
Фронтовые огни.
Путь к победе! Вперёд и вперёд!

В чужедальних краях
Твой узнают размах,
Ты идёшь беспощадно-остра.
Наша гордость и честь—
Справедливая месть.
Слушай песню, подруга-сестра!

Сам тебя я родил,
Сам тебя нарядил
И с тобою пошёл на войну,—
Будем на смерть разить.
Будем бурей грозить
Тем, кто тронул родную страну.

С нами Ленин идёт,
С нами Сталин идёт,—
Светоносны знамена вождей.
На дорогах побед
Мы проложили след
Поколениям счастливых людей.

И когда мы с тобой
Возвратимся домой,
Ликовать будет наша семья.
Ты на солнце сверкнёшь
И тогда отдохнёшь,
Фронтная подруга моя.

Если к небу клинок протянуть,
Станет матовой синяя сталь.
Если тихо клинок повернуть,
Облаков отражённая муть
Задымится, как тёмный хрусталь.

Если тонкий блестящий клинок
В час полудня плашмя положить,—
Отражая горячий поток,
Лучезарно зажжётся клинок,
С ним пришлось мне всю юность дружить.

Амма Ачыгыя

СТАРАЯ ПЕСНЯ ПРО ВАСИЛИЯ МАНЧАРЫ

Ему ненавистен тюремный плен,
Не создан он для оков:
Проходит сквозь девять каменных стен,
Сбивает восемь замков.
Манчары знаете ли вы, друзья?

В сыпучих сугробах его следы,
В долинах и на горах,—
Везде проходит он невредим,
Врагам своим на страх.
Быстрее его скороходов нет,—
Так про него говорят.

Напрасно прятали кулаки
Награбленное в подвал:
Стальные засовы и замки
Ладонью он разбивал.
Таких силачей и в сказках нет,—
Так про него говорят.

Ничем запугать его не могли,
Ни тюрьмами, ни кнутом;
Туземный князёк—властелин земли
Смотрел на него тайком.
Ярче молний его глаза,—
Так про него говорят.

В песнях имя его звенит,
В сказках оно живёт.
Силу его народ хранит,
Потомкам передаёт.
Василий Манчары звали его,—
Запомните, друзья!

Могуч Манчары, лицом пригож,
Грозный он человек:
Богатых князьков бросало в дрожь,
Когда он шёл в набег.
Смелое сердце он имел,
Обиженных защищал.

Царские деньги, пушной ясак,
Шерсть и серебро,—
Всё, что награбили князь и кулак,
Народное добро,—
Всё отбирал Манчары,
Всё возвращал народу!

«Горькой слезой пьяны кулаки,
Кровавым сыты трудом.
Идите, ограбленные батраки,
Владейте своим добром...»
Так говорил Василий,
Так призывал Манчары.

В тёмных горах, где гнездуют орлы,
В чащах, где звери живут,
Возле расщелин дикой скалы,
Где водопады бьют,—
Вольное сердце несущий в груди,
Встретиться может с Манчары.

Выйдет он тихо, подсядет к костру,
С путником заговорит:
«Милую родину, мать и сестру
Сердце увидеть спешит...»
Так говорит Манчары,—
Скучно ему на чужбине.

«След мой остался в родимом снегу,
Ждите меня к весне.

Вместе с ручьями я прибегу,
Встречу готовьте мне...»

«Вернусь»,—говорит Василий,
«Приду»,—обещает Манчары.

Возле костра на дороге лесной,
Дружески поговорив,
В чашу уходит оленной тропой,
Путника благословив.

Меч у него в руках, говорят,—
Не ослабел Манчары.

Вот и весна! Зеленеют леса.
С гор побежали ручьи.
Синей дорогой блестят небеса,
Солнца теплеют лучи.

Скоро Василий Манчары придёт,
Ждите его, друзья¹.



¹ Песня старухи из повести «Весенняя пора». Василий Манчары—
герой якутских народных сказаний.



ПОЭЗИЯ
ИМПРОВИЗАТОРА
М.Н. ТИМОФЕЕВА - ТЕРЕШКИНА



Импровизации из книги „ЯКУТЫ НА ВОЙНЕ“

ЯКУТСКАЯ КЛЯТВА

Землёю, меня вскормившей,
Солнцем, меня взлелеявшим,
Ледовитым морем суровым,
Почвой вечно-мерзлётной,
Кровью моей горячей
Клянусь—и вы клянитесь!—
Орду фашистов проклятых
Выжечь огнём и сталью,
Выморозить до корня
Отныне и навеки.

Просторами тундры зимней,
Хребтами в осенних ливнях,
Озёрами ледяными,
Шестью сибирскими реками,
Тысячами притоков,
Сотнями водопадов,
Волей моей кипучей
Клянусь—и вы клянитесь!—
Орду фашистов проклятых
Выжечь огнём и сталью,
Выморозить до корня
Отныне и навеки.

Тайгою стеноподобной,
Каменными деревьями,
Ласковыми цветами,
Зверем, рыбой и птицей,—

Богатством родных приволий,—
Славой моей наследной
Клянусь—и вы клянитесь!—
Орду фашистов проклятых
Выжечь огнём и сталью,
Выморозить до корня
Отныне и навеки.

Долинами и горами,
Песком золотеносным,
Вспаханном чернозёмом,
Сланцем, слюдою, углем,—
Чревом земли отцовской,—
Богатством моих потомков
Клянусь—и вы клянитесь!—
Орду фашистов проклятых
Выжечь огнём и сталью,
Выморозить до корня
Отныне и навеки.

Тьмою полярной ночи,
Зарей незакатной летней,
Звёздным разливом неба,
Светом земли якутской,
Бессмертным моим народом,—
Силой моей могучей
Клянусь—и вы клянитесь!—
Орду фашистов проклятых
Выжечь огнём и сталью,
Выморозить до корня
Отныне и навеки.

Клыками горных медведей,
Когтями орлов кривыми,
Рогатины острым жалом,
Пулею зверобоя,
Ножом, подобным бритве,
Мужеством нашим общим
Клянусь—и вы клянитесь!—
Орду фашистов проклятых

Выжечь огнём и сталью,
Выморозить до корня
Отныне и навеки.

Свободу народов Севера,
Жизнь, Октябрём рождённую,
Мудрость, данную Лениным,
Правду, данную Сталиным,
Сердцем своим и душою,
Кровью своей и мозгом,
Словом своим и делом
Клянётся народ якутский,
Певец его клянётся
И вы, сограждане, твёрдо
Вместе со мной клянитесь
Орду фашистов проклятых
Выжечь огнём и сталью,
Выморозить до корня
Отныне и навеки!

1941. Декабрь.

ПОДВИГ ПЕХОТИНЦА САФРОНОВА

Имя бойца Сафронова,
Героя Красной Армии,
Сына народа якутского
Грозное имя
Славлю!

Имя бойца Сафронова,
Земляка моего бесстрашного,
Гордость народа якутского,
Храброе имя славлю!

Родину нашу священную,
Землю нашу великую,
Нашу тайгу и пастбища,

Наши дома и хижины,
Народ наш трудолюбивый, —
Старых и малолетних,
Дедов и дитятей,
Сестёр, матерей и братьев,
Грудью защищая,
Встал на Западном фронте
Мужественный Сафронов.

Подобно птице-соколу,
Гнездовье оберегающему,
Навстречу врагам рванулся
Бесстрашный якут Сафронов.

Подобно лосю могучему,
Стадо своё хранящему,
Навстречу фашистам ринулся
Храбрый якут Сафронов.

Медведем горным, матёрым,
Во время ночной атаки
В окоп фашистский прыгнул
Славный якут Сафронов.

Направо и налево,
В упор и в боковины,
Штыком своим и прикладом
Разил герой Сафронов.

Подобно птице-дятлу,
Лиственницу долбящему,
Штыком своим гранёным
Фашистов долбил Сафронов.

Подобно птице-ястребу,
Когтящему куропатку,
Штыком своим гранёным
Фашистов когтил Сафронов.

Якутский глаз намётанный
В полночь видит, как в полдень.

И вот, в кромешной тёмени
Увидел якут Сафронов
Дуло винтовки вражьей,
Целящейся в командира,
Русского лейтенанта.

Грудью своей геройской
Закрыл боец Сафронов
Славного командира.
Грудью своей бесстрашной
Закрыл якут Сафронов
Русского лейтенанта.

Упал молодой Сафронов,
Упал на сырую землю.
Глаза его не закрылись.
Сквозь кровь,
Сквозь дым,
Сквозь темень
Мёртвый видел Сафронов:
Друзья его боевые,
Красные пехотинцы,—
Дети семьи народов,—
Штыками своими в клочья
Тут же разодрали
Гитлеровского бандита,
Выстрелившего из винтовки.

Честное дело мести
Сделано было честно.
Кровью за кровь платили
Дикие псы-фашисты.
Было так, есть и будет!..

Сын страны Советской,
Сын земли Якутской,
Сын холодной бури
Был ты в бою как пламя.

Ты не боялся смерти,
Ты не боялся бури,

Ты не боялся боя,
Родину оберегая.

Воин орлиной стаи,
Слава тебе и почестъ.
Спишь ты от нас далёко,
Дух твой в земле отцовской
Нас призывает к битве,
Нас призывает к мести.
Дело твоё живое
Подвигом завершилось.

Дед твой, давно ослепший,
Вижу я нынче ясно:
Слава твоя бессмертна!
Подвиг твой мы запомним!
Силы врага раздавим!

Нынче пою я песню,
Песню грядущей битвы;
Нынче я гордо славлю
Имя твоё, Сафронов.

1941. Зима.

СОЗВЕЗДИЕ ЯКУТСКОЙ РЫСИ

Ночью глубокой, тёмной,
Звёзды играют в небе.
Ночью морозной, зимней,
Блещет Созвездье Рыси.

Четыре звезды далёких
Чудно мерцают в небе:
Это Четырёхглазая
Рысь скользит по тучам...

...Мёртвая полночь встала
Над задремавшим лесом,
Четыре звезды высоких
Спустились в снега на землю.

Спустились в тылу у немцев
Десантники-парашютисты,
Четыре отважных воина—
Дети Созвездья Рыси.

Четыре якутских юноши,
Рождённые на Оймеконе¹,
В борьбе на Западном фронте
Приказ боевой выполняют...

Студёной русской ночью
Не холодно оймеконцам,
В сыпучем снегу десантники
Не зябнут, не коченеют.

На лыжах, подбитых мехом,
Бегут без следов, как рыси:
В густом буреломе прячась,
Сучком на бегу не хрустнут.

Родную тундру вспомнив,
Бегут якуты, как вьюга,—
В халатах отменно-белых
Неслышно бегут по насту.

Чашобами по сугробам
Бегут, как белые рыси,
Окрестности запоминают,
В руках автоматы греют.

От взгляда якутской рыси
Не скроется даже лемминг².
Рысиные уши слышат
Дыханье чужого зверя.

¹ Оймекон—река и горный перевал между бассейнами р.р. Алдана
и Индигирки.

² Лемминг—полярная крыса.

Звуки, запахи, тени—
Всё подмечают разом;
По запаху определили:
Хорёк фашистский близко.

Гитлеровец продрогший,
Возле ночных деревьев
Прятался одиноко
В тихой лесной засаде.

Лыжи, подбитые мехом,
Быстро скользят без шума.
Старший десантник с ходу
Прыгнул и сшиб фашиста.

Хорька в немецкой каске
Белая рысь подмяла;
Снег обагрился кровью,
Дикою кровью зверя...

Туша фашиста стыла,
Брошенная в кустарник...
Возле лесной дороги
Бег продолжали рыси...

А за лесной дорогой,
В низкой, глухой ложбине
Выглянули строенья
Вражеского аэродрома.

Неслышно скользя на лыжах
Зорко глядели рыси,
Припав к сугробам стылым,
Всё подсчитали глазом:

Девять бомбардировщиков,
Девять истребителей,
Девять цистерн с бензином,
Девять постов охраны.

Логовище звериное
Спало, не беспокоясь.
В собственной безопасности
Хорьки не сомневались.

Выглядев всё, что надобно,
Рыси оймеконские,
Доблестные десантники
Ринулись к аэродрому.

Светлое имя Сталина,
В сердце своём повторяя,
Грозно клялись герои
Приказ боевой исполнить.

Четыре гранаты грянули
В пасти бомбардировщиков,
Четыре гранаты грохнули
В пасти бензозаправщиков.

Пламя взлетело чёрное,
Пламя взлетело красное:
Бомбы фашистов лопнули
В собственной их утробе.

Девять бомбардировщиков,
Девять истребителей,
Девять цистерн с бензином
Взрывами разодрало.

Ключья летели к Западу,
Ключья летели к Северу,
Полночь лесная с трепетом
Слушала рёв и скрежет.

Когда хорьки недобитые
Вылезли из сугробов,
Они не нашли укромного
Тайного аэродрома...

...А на Востоке утреннем,
Прячься в лесном распадке,
Ждал самолёт десантников,
Дело своё свершивших.

На лыжах, подбитых мехом,
Скользили они неслышно,
Покачиваясь бежали
В закопченных халатах.

Когда самолёт советский
Взлетел в туманное небо,
Четыре звезды качнулись
Созвездьем Якутской Рыси...

Чудно мерцают звёзды
В полночь и перед рассветом —
Это сердца героев
Светятся вечной славой.

Это сердца могучих,
Нас призывающих к битвам,
Чтобы всегда и, всюду
Недруг был встречен смертью.

Чтобы хорьки-фашисты
Нас не доработили,
Сын мой, якут и русский,
Встаньте в Созвездье Смелых!

КОННЫЙ БОЙ

На вершинах деревьев
Заря заиграла;
На широкой поляне
Труба загудела;
Это красная конница мощно врубилась
В боевые порядки врага.

Молодецкие шашки блистали на солнце,
Схватка длилась недолго:
Немцы слабы в седле...
Повернули фашистские кавалеристы,
А вдогонку им хлынула лава советских клинков.

Красный конник, Степанов,
Якут твёрдотельный,
Впереди эскадрона
Стрелял на скаку...
А когда по кустам,—
В беспорядке,
Рассыпав свой строй,—
Побежали фашисты,
Он припомнил,
Как осенью в голых полях
Якуты загоняют матёрых лисиц...
...Повод—в зубы!
В левой руке—пистолет наготове,
А в правой—
Словно молния брызжет
Блескучая шашка над крупом коня...

Так гоняют лисиц...

Лошадь мчится галопом.
И с галопа,
С разлёта,—
Рука тяжела как свинец,—
Богатырским ударом
По шее фашиста, нахлёстом:
— Раз!

И падает мёртвою тушей
Зарубленный враг.

Так гоняют лисиц...

Если враг от удара уходит,
Если он наклонился,
Готовится прыгнуть с седла,—
Шашка бьёт его колющим, точным ударом,
И дырявит хрипящую шею врага.

Так гоняют лисиц...

Если враг повернулся,
Скалит зубы
И выстрелить хочет в тебя,
Поднимай на дыбы свою лошадь
И—прежде, чем сдвинутся кони—
Меткою пулей
Фашиста ударь между глаз.

Так гоняют лисиц...

Помни правило боя:
Кто смелей и проворней,
Тот всегда победит.
Помни дедов обычай:
Загоняй только насмерть,—
Упустивший врага
Недостойн назваться советским бойцом...

1942.

ХАРАДАЙ, УНИЧТОЖАЮЩИЙ НОЧНЫХ СОВ

Харадай, полярный охотник,
Убивавший в ночных сугробах
Снежнобелых песцов бегучих,—
В Красной Армии пригодился;

Оценив его глаз проворный,
Дело дали ему по нраву,
Обучили стрелять из зениток,
И поставили командиром...

В зимней стуже на дальнем фронте
Тишина иногда бывает,
Только слышно, как жёсткий иней
Осыпается в звёздной ночи.

Но зенитчик-якут не дремлет,
К темноте его глаз привычен,
И ничто в этом тёмном небе
Не укроется от Харадая...

С боевым огневым оружием
Харадай подружился крепко.
Сам имея чуткие уши,
Полюбил звукоуловитель.

Издалёка услышав ночью
Приближенье врагов летучих,
Поднимали головы сразу
Харадай и его пушка.

...Словно в сказке, стальные совы
Трёхголовые загудели.
Три фашистские самолёта
Строем с запада приближались.

Как ночные убийцы-совы,
В необъятной пустыне неба
Затаившиеся под тучи,
Самолёты врага скользили.

Настороженная зенитка
Заревела огнём колючим,
И в просторную бездну неба
Полетели, гудя, снаряды.

Как голодные птицы-совы
На мышей налетают скопом,
Так, зобы свои запрокинув,
Самолёты к земле рванулись.

Из железных вонючих клювов
Сбросив страшные яйца-бомбы,
Облегчённые совы быстро
Устремились обратно в небо.

Раскололись, разбились яйца,
Взорвались, опалили землю,
Разметали в куски укрытья,
Где стоял Харадай-зенитчик.

На бедре зажимая рану,
Харадай не ушёл от пушки.
Переполнившись силой гнева,
Продолжал поединок грозный.

Метким выстрелом грянув снизу,
Одному самолёту в брюхо
Угодил Харадай снарядом,
И фашист, запылав, свалился.

Уцелевшие совы взвыли
И опять налетели злобно,
Стали сбрасывать бомбы-яйца,
Смрадным дымом закутав небо.

Мать-земля от горячей боли
Задрожала, заволновалась,
И вокруг батареи поле,
Словно вспаханное, затрепетало.

Из команды бойцов советских
Много ранило и убило.
Только сам Харадай бесстрашный
Не упал от тяжёлой раны;

Командир-большевик могучий,
Забывая своё страданье,
Выполнял боевое дело.
И зенитка его стреляла.

Полыхали огнём снаряды,
Угрожали железным совам
И в холодной пустыне неба
Заставляли их укрываться.

Но и там, на вершине неба,
Где чернеет глухая бездна,
От якутского глаза совы
Не могли ускользнуть бесследно.

Но и там, на вершине неба,
Разорвав темноту густую,
Ослепляющий гром ударил,
Подбивая сову вторую.

Запылала сова вторая,
Развалилась, распалась в небе.
И тогда повернула третья
И трусливо ушла на запад.

Не успел её сбить снарядом
Зоркоглазый якут-зенитчик,
От кровавой жестокой раны
Ослабел Харадай, свалился.

Боевые друзья героя
Подхватили его с любовью:
Большевик-командир отважный
Дорог сердцу красноармейца.

— Эх!—сказал Харадай сердито,—
Упустили одну, досадно.
Ну, да может ещё вернётся.
Приготовимся снова к бою...

1941.

ПОРАЖЕНИЕ СМЕРТИ

Свистяще-крылый ветер поздней осени
Хрустяще-жесткий снег несёт в стенах Приволжья
Морозы, стиснув взрыленные пажити,
Позвякивают льдинками в озёрах.

Колочепёрая знобящая метелица
Сухой метлой метёт под Сталинградом.
Разбитая орда фашистской сволочи
Откатывается на запад, огрызаясь.

Бегут голодные германские дивизии,
Бросают танки, пушки и снаряды.
По всем дорогам глыбами вонючими
Легли бесчисленные вражеские трупы.

Остервенев, неистовствуя в ярости,
Безумнозлые фашистские грабители
На всех путях отхода понаставили,
Насторожили минные ловушки.

Они вкопали мины под дорогами.
Загородили минами тропинки,
Усыпали проклятыми гремучками
Широкие заснеженные степи.

Смерть залегла в сугробах неприметная.
Смерть схоронилась в балках и оврагах.
Смерть под сухими травами ощерилась,
Смерть заградила к западу дороги.

Но разве враг задержит наступление
Героев Красной Армии могучих?
Но разве смерть сильнее бессмертной храбрости
Героев Красной Армии Советов?

Нет, не бывало так!
И так не станется!
У нас есть люди—смерти посильнее.
Они вступают с ней без колебания
В открытое единоборство...

...Мать храбрых русских, Волга-матушка,
Сестрой приходится якутской Лене.
Якут-боец, как младший брат, сражается
Бок о бок с старшим русским братом...

В семье сапёров другом и товарищем
Якут Григорий был под Сталинградом.

Ему пришлось среди достойных юношей
Вступить в единоборство с смертью.

...Вооружён своим миноискателем,
Якут Григорий шёл одним из первых,
Пытливым глазом щупая бугры и рытвины,
Он разминировал дорогу смерти.

Он, словно соболь, чуть земли касаяся,
Скользил в оврагах, в балках и в канавах;
Как россомаха, он шагал над минами,
Перекусив язык их ядовитый.

Своё оружие чуткое и точное,
Миноискатель свой пуская в дело,
Якут Григорий опытом охотника
Разгадывал немецкие ловушки.

Нет, не фашистским выродкам заманивать
Якутского охотника в капканы,
Любого зверя из берлоги Запада
Перехитрят охотники Востока.

Стальная смерть ощеренная немцами
Грозит бойцам ударом потаённым,
Но сильный духом,
В бой с врагом вступаючи,
Сумеет смерть навеки обезвредить.

Он впереди полков идёт испытанный,
С ним вместе жизнь сама шагает в ногу,
И всё, что спрятано для крови и страдания,
Бестрепетно навеки уничтожит.

...Слепой старик, я вижу победителей,
Моих несокрушимых сыновей—
И русских, и якутских юношей,
Сражающихся с чёрной смертью.

И мохнатые лайки верней часовых
Сторожат молодых оленят.
Волк не тронет оленчиков в тёмной тайге.
Росомаха подальше уйдёт.
Даже пёстрая рысь в голодухе своей
От андреевых пастбищ бежит.
Бубенцы на быках неумолчно звенят,
Неусыпны зубастые псы,
И винтовки подпасков в умелых руках,
И Андрей-гуртоправ начеку.

Вот он едет тропинкой на пегом быке,
Огибает ягельник кругом.
Страховидный кобель по оленьим следам
Поспевает в сугробе за ним.
Вот он тихо по насту проехал назад,
Смотрит важенок¹, пробует мох.
И оленчики, хёркая, лезут к нему,
Лижут соль из широкой руки.
— Эй, постой-ка! Здорово, товарищ Андрей!
Вот кисет мой, покурим. Капсэ!²
Что ты так озабочен? Куда ты спешишь?
Нет ли с фронта каких новостей?
Говорят, ты на пастбище ночью и днём,
Вездесущий какой-то пастух.
А тебе, почитай, семь десятков годов—
Трудновато, поди, кочевать?

— Будь здоров,—отвечает товарищ Андрей,—
— Семь десятков моих не причём,
Пастухом я работаю лет с десяти,
И не мне привыкать кочевать.
А насчёт новостей ты, приезжий, скажи.
Сам я жду—не дождусь новостей.
Письма с фронта не часто приходят сюда,
А на фронте мои сыновья.
Шесть сынов я давненько на фронт проводил,
Шесть отменных якутских стрелков.

¹ Важенка—молодая оленуха.

² Капсэ—якутское обращение при встрече вместо приветствия.
(мысловое значение: «говори, рассказывай, что нового».)

Все мне пишут они, да досада берёт:
Письма редко привозит почтарь.
Парни ладно воюют: у двух ордена,
А медали у всех, у шести;
О себе говорят, что солдатская жизнь
Им на фронте пришлось по нутру.

А меня, старика, измотали они.
Наиши им, ты видишь, про всё:
Как живёт наш совхоз, сберегли ли приплод,
Не задрали ли волки телят...
Всё им надобно знать: как на вынасах мох,
Где сей год летовали стада,
Сколько важенок новых телилось весной
И не тронул ли стадо падёж.
Я писать не горазд, пишут тут за меня,
Но ведь палец я ставлю—тамгой¹,
Значит, я отвечаю, ведь сам посуди,
За ветвистое стадо моё.
Вот и езжу, мой друг, я и ночью и днём.
Все заботы—олени мои.
Ведь пишу, сыновьям, а отцовский отчёт
Целый фронт прочитает. Капсэ?

Вот тебе и капсэ! Носом в грязь не упасть.
Поголовье лелеять, хранить,
Увеличить приплод, сохранить оленух,
Как детей воспитать оленят.
Вот тебе и капсэ! Как весна подойдёт,
К моховищам на тундру пойдём.
Пауты, овода,—тут гляди, не зевай:
Стаду надо летовье искать.
Солонцы, водопой, кормовые луга...
Там наступит отёла пора...
Прошлый год я на двадцать процентов, мой друг,
План прироста сумел перекрыть.
Не отстану и нынче. Пускай же сынки
Там, на фронте, расскажут друзьям,

¹ Тамга—родовой знак. В данном случае—оттиск пальца, заменяю щий подпись.

Как оленный пастух, индигирец Андрей,
В тундре нынче воюет, трудясь...

...Вот капсэ, так капсэ! Что ж, закурим, Андрей.
Ты—гвардеец в глубоком тылу.
Фронтовые товарищи нынче письмом
Поздравляют с победой тебя.

ФЁДОР, ОХОТНИК НА ПЕСЦОВ

На шумно-обширном небе,
На дальних ночных высотах,
Далёко-далёко где-то
Играют лучами звёзды.
Как люди, собравшись вместе,
Беседуют меж собою,
Так звёзды, скопившись роем,
Мерцают огнём друг другу.
Зимою земля и небо
Теряют свои пределы
И тундра уходит к звёздам,
Сливается с облаками.
Полярный мороз жестоко
Сдавил ледяную землю.
Ступают без шума ноги
Сугробом окаменелым.

Но, что это? В снежном море
Маяк одиноко светит:
В приморской, безлесной тундре
Костёр, как звезда, мерцает.
Пятнадцатилетний парень,
Колхозный подросток Фёдор,
Сынок бригадира Павла,
Ночует сегодня в тундре.
В лесах, на Карельском фронте,
Отец промышляет нынче.
Охотится Павел крепко
На диких зверей—фашистов.

А сын—молодой охотник,
В колхозе отцу замена.
Песцовые «пасти» нынче
Высматривать он собрался.

...Пылает в пустынной тундре
Костёр одинокий, яркий. |
Двенадцать собак уткнули
Носы между лап мохнатых,
Кипит котелок с похлёбкой,
Кудряво дымится чайник.
Садится охотник юный
Закусывать крепко на ночь.
Верстов, почитай, с полсотни
Объехал на нартах Фёдор,
В семидесяти ловушках
Песцов семерых застукал.
Обильна была добыча.
Песец урожаен нынче.
Хорошая ость на шкурках,
Прозрачна, как первый иней...

Собак накормив во-время,
На шкуре оленьей тёплой
Сидит молодой охотник,
Похлёбку хлебает жадно.
Нетрудно проголодаться
На промысле, возле моря;
Нелёгкое это дело
Песцовые «пасти»¹ ставить.

До дна котелок очистив,
И чайник до дна прикончив,
Набил зеленухой трубку
Счастливым добытчик Фёдор.

¹ «Пасть»—ловушка на песцов, основное орудие песцового промысла в северной Якутии. «Высматривать пасти»—значит объезжать территорию расположения ловушек. Обезд проводится на собачьих упряжках.

Лежит на оленьей шкуре,
Легонько пускает кольца,
Пыхтит носогрейкой-трубкой
И дремлет и вслух мечтает.
-- Приеду в колхоз и сразу
Возьму за печатью справку,
Что столько-то добыл шкурок,
Такого-то, значит, сорта,
Пошлю эту справку быстро
С письмом заказным, особым:
Пускай на Карельском фронте
Отец про меня узнает...

...Мечты молодые—искры.
Высоко они взлетают,
И в шумно-общирном небе
Вплетаются в звёздный поллог.
Погасла, потухла трубка,
Тальник на костре пылает,
Уснул под оленьей шкурой
Усталый охотник Фёдор.
Пусть ночью в пустынной тундре
Хорошие сны приснятся
Хорошему сыну выюги,
Якутскому комсомольцу.

ОГОРОДНИЦА ДАРЬЯ

В улусе нашем полярном
Земля промерзает крепко:
Весна к нам приходит поздно,
Заморозки—рано.
Говорят, на земле якутской
Овощи не рождаются,
Капустный вилёк под осень
Кочан не завивает.
Говорят, что у нас картофель
Мелкоclubнист, негоден;
Морковный корень не сладок,
Свёкла в ботву уходит.

Так до войны говорили
Пришлые и старожилы,
Так до войны толковали
Старые и молодые.

Нынче якутка Дарья,
Жена красноармейца,
В нашем колхозе весною
Затеяла огороды.
Четыре жены солдатских
В работе ей помогали.
Четыре якутки наши
Вскопали земли немало.
Студёную почву рьяно
Лопатами переметнули,
Золою и перегноем
В оттепель напитали.

Неслыханное дело!
Пустая затея бабья!
Многие говорили,
Надо в этом сознаться.

В нашей ли холодине
Путаться с огурцами?
Здесь и земля оттаёт
Только на метр не боле.

Дарья-красноармейка
Слухами не смущалась,
С мая и до июля
Редко отдыхала.

Четыре жены солдатских
В работе ей помогали.
Четыре якутки наши
Трудились, не уставая...

...Когда наступила осень,
Почти со всего района
Охотники и рыболовы
Нарочно к нам заезжали.
Особенно много было
Колхозниц с округи нашей.
И мы уже твёрдо знали,
Зачем подъезжали гости.

Мы их отводили к Дарье.
На стане её бригады
Дивились соседи-гости
Удачам огородниц.
Показывала бригадирша,
Какая родится овощь
В студёной земле якутской,
Когда её труд согреет...
И как мне прославить нынче
Почётный и скромный подвиг
Родных огородниц наших,
Впервые плоды собравших?
Я вижу моих сограждан,
Моих северян, глядящих
На первый у нас в улусе
Огромный кочан капусты.
Глядите-ка, сколько этих
Шаров серебристо-белых,
Упруго-хрустяще-ломких,
Хранящих тепло полудня!
Взгляните на эти горы
Коричнево-жёлто-пегих
Картофелин крутобоких,
Хранящих густые соки!
Взгляните на эту свёклу!
Багряно-лилово-синий
Загар её корневища
Хранит в себе щедрость солнца.

А вот огурцы, литые,
Зелёно-янтарно-рыжи,
Уложенные в бочатах,
Хранят в себе запах мёда...
И как мне не славить нынче
Работу овощеводов,
Собравших в плодах колхозу
Тепло якутского лета,
Утреннюю прохладу,
Рбы ночей июля,
Жар августовских полдней,
Бодрость зари сентябрьской.

Славлю я и прославлю
Дарью-красноармейку,
Знатного овощевода
Северного колхоза.
В дни небывалой битвы,
Здесь на полярном круге,
Мы с небывалой силой
Вклад свой в победу вложим.
Малое начинанье
Мы развернём в большое:
Преобразуем землю,
Выйдем на бой с природой!

1943.

КЛАВДИЙ КРАСНОЯРОВ

У нас ты родился, Клавдий!
Ты в русской семье родился,
Была твоим местом рожденья
Земля якутов свободных.
Ты вырос в краю просторов,
Был братом моих потомков,
Любил суровое небо
Страны моих древних предков.
Ты помнил родную Лену,
Когда на Днестре далёком
В часы переправы грозной
На подвиг пошёл бесстрашно.
Ты воином был могучим,
Ты Днепр переплыл с оружием,
В бою ты погиб, сражаясь,
Проложив пути Победе.

У нас ты родился, Клавдий,
Великий мой якутянин,
Питомец семьи отважных,
Достойный собрат героев.
Ты нам показал, как надо

Бороться всей силой жизни,
Отчизну свою святую
От смерти оберегая.
Ты нам показал, как надо
Знамёна Вождя народов
Нести сквозь туман сражений
К сияющим дням Победы.

У нас ты родился, Клавдий!
Мы с гордостью прочитали
Указ Верховной Власти,
Назвавший тебя героем.
Узнав о твоей кончине,
Мы, старые и молодые,
К далёкой могиле скорбно
Склонились единым сердцем.
На берегах днепровских,
В солнечной Украине
Лежит твоё тело, Клавдий...
А сам ты опять на Лене.
И я старик-былинник,
Якутский певец незрячий,
Пою о тебе народу
Всевидающую песню.
У нас ты родился, Клавдий,
И снова сегодня с нами!
Твоё золотое имя
Крылато шумит на Лене.
На Маче¹ и на Олёкме,
В Нохтуйске и на Витиме,
На всех пристанях по Лене
Твоё повторяют имя.
...Идёт «Краснояр» сверху...
...Идёт «Краснояр» снизу...
Диспетчеры и телеграфисты
Об этом всем сообщают.

Ты снова родился, Клавдий,
В Ленском пароходстве

¹ Мача, Олёкма, Витим, Нохтуйск—пристани на Лене.

Громадиной двухэтажной,
На линии скорых рейсов.
И вот ты, живой, блестящий,
На пристани Даркыллаха¹,
У нашего Якутска
Готовишься в путь к верховьям.
Ты, светлый и белотрубный,
В потоках электросвета,
Гудком басовитым режешь
Безмолвие белой ночи.
Твой голос я слышу, Клавдий!
В нём призывы к новым битвам,
В нём требовательность приказов
Верховной Командной Ставки.
И вот, ты пошёл по Лене,
Разрезал тугую воду,
И наперекор теченью
Летит твой гвардейский вымпел...
...В нашем якутском небе
Есть золотые звёзды,
В памяти у народа
Есть имена родные.
Клавдий Краснояров,
Светом Звезды Героя²
Ты озарил навечно
Землю, где ты родился.

СОЛЬ КЕМПЕНДЯЯ

Кемпендьяй—именитая речка.
Там кусты в серо-шёлковых листьях,
Там деревья в зелёно-атласных,

¹ Даркыллах—место расположения ленских пристаней, в 7 км от г. Якутска.

² Клавдий Краснояров—русский, родился и работал до войны в Якутии. За выдающийся подвиг в боях на Днестре в 1943 г. удостоен звания Героя Советского Союза. Его именем назван лучший пароход скорой линии Якутск—Усть-Кут. В навигацию 1944 г. команда парохода завоевала вымпел гвардейского экипажа.

Озаряемых солнцем уборах.
Там трава, словно бархат, пушиста,
Вся в цветах, в лепестках и в бутонах.
Пышногивые волны покосов,
Высоченные травы густые
Поднимают зыбучие стебли,
Серебристо-медвяные кисти,
Ало-жёлто-лиловые гроздья
Ароматно-пахучих соцветий.
Но не тем знаменита долина,
Но не тем Кемпендяй наш известен,
Есть не мало в якутских привольях
Луговин заливных, суходолов,
Многотравных немеренных пастбищ,
Много есть сенокосных угодий.

Кемпендяй—именитая речка.
Там на бурых прибрежных откосах,
На лугах изумрудно-блескучих,
Как на шкурах коней драгоценных
Жеребцов и кобыл разномастных—
Всюду вкраплены белые пятна.
На зелёном, на жёлтом, на буром
Эти пятна в горячее лето
Серебрятся, как иней холодный.
Словно здесь пробежал ненароком
Белощёрстный песец и оставил
Пуховину с хвоста снегового.
Это соль выступает под солнцем,
Самородная соль дорогая.
В берегах, по долинам, по речкам
В тёмном чреве земли, неглубоко,
Залегают ключи солевые,
Залегают соляные камни.

Приглядись-ка в погожее утро:
Точно белые гуси стадами,
Вперевалку, тяжёлые тачки
Друг за другом бегут вереницей.
Самородную соль Кемпендяя
Добывают здесь нашей отчизне.

Заполняются склады, амбары,—
Заполняются снизу до крыши.
Но богата земля Кемпендяя,
Не исчерпать даров её щедрых.
Не на десять годов, не на сотню
Хватит соли Якутскому краю.

Богатима земля Кемпендяя¹,
А в соседстве ещё побогаче.
И туда мы вот-вот доберёмся,
Вскроем чёрную мать-утробу,
Всё, что нам будет надо, добудем,
Не оставим сокровища втуне.
Ведь недаром добытки соли
Поравнялись с бoйцами на фронте:
Закалились в труде, просолели,
Недоступны лишениям и бедам,
Стали крепче душою и телом.
Много лет проживут, не согнутся.
Кемпендяй—именитая речка.
Имениты добытки соли.
Трудовые народные руки
Будут крепнуть и славиться вечно,
Подвигаясь дорогой победы
Под знамёнами Родины нашей.

1944.

СЕНОКОСНЫЙ САЛЮТ

На Олёкме, в долинах широких,
Сенокосное радостно время:
Каждый день с фронта добрые вести
К нам приходят с хорошей погодой.
Крепнет сила Советской Державы!
Нынче травы широковетвисты,
Густолиственны, девятисуставны.

¹ Одно из крупнейших соляных месторождений Якутии—Кемпендяйское, особенно развернуло добычу в годы войны. Добыча соли производится всеми способами, вплоть до вымораживания рассола естественным холодом в зимнее время.

В сочном стебле зелёные соки
Мёдом нашей победы играют.

Близок праздник итога сражений!

Лерновина покрыта цветами,
Будто звёздами блещут приволья—
Красно-жёлтыми и голубыми,
Снежно-белыми и золотыми.

Это вспышки салюта Победы!

Поднимайтесь, стальные косилки,
Поднимайтесь, серебряны косы.
Незакатное солнце сверкнуло.
Поклонились душистые травы.

Салютует героям Олёкма!

Косари, в тубетейках и кенках,
Растянулись широкой шеренгой,
Размахнулись, ударили разом
И пошли вперегонки друг с другом.

Тыл работает по-фронтному!

Смуглолицые наши девчата
От парней отставать не желают.
Слышишь, песню запели задорно,
А цветы шелестят, подпевают.

Это песня о нашем походе!

Лето с нами сегодня в союзе:
Не мешают дожди сенокосу,
Ветровей легки и прохладны,
Жар полуденный в меру настойчив.

Крепнет сила Советской Державы!

С каждым днём кудреватые волны
Шире, шире ложатся в долинах.
Грабли наших ребят неотрывно
Ворошат полновесное сено.

Крепнет сила якутского края!

Сладкотравных, пахучих, выскых,
Словно крепости сложенных крепко,
Сотни тысяч стогов наметала
В год решительной битвы Олёкма.

Тыл и фронт нерушимо могучи!

ВОЕННЫЙ СЕВ НА ВИЛЮЕ

Вихряно-снежная зима прошла.
Холодно-тёмная зима прошла.
Весна опять влетела на Вилюю
Крылами синих, светлых облаков.
Весна!

Громады льдин водою разметав,
Холмы сугробов солнцем растопив,
Весна влетела нынче на Вилюю
Крылами новых сталинских побед.
Весна!

На озерцах, на речках, на ручьях
Щебечет гимны солнцу птичий хор.
В дремуче-яркой пазухе лесов
Идёт зверей любовная игра.
Весна!

Густые чащи, горы и луга
Водой омыты, искрятся в лучах.
Под благодатным солнцем край родной
Встречает время нашего труда.
Весна!

В полях колхозных табором народ.
Одна работа—следом за другой:
Сменяет плуг зубчатка-борона,
Неутомимо тракторы ползут.
Весна!

Пусть я слепой, зрачки мои темны,
Но слышу я, как сеялки стучат:
Они, как птицы клювами, кладут
В родную землю верное зерно.
Весна!

Пройдёт легко и плавно борона,
Она зароеет жирный глинозём,
И в тёплой, влажной мякоти земли
Зерно надежды скоро даст росток.
Весна!

Зерно надежды! Тысячами рук
Тебя готовил к севу весь народ;
Ты прорастёшь, как знамя, над страной.
Победе нашей будет урожай.
Весна!

Далёк Вилюй от линии огня,
Но ведь и мы в тылу—фронтовики:
Весенний сев на северной земле
С весенним штурмом фронта я сравню.
Дерзай, трудись,
Вилюйская весна!

Импровизации из книги „СКАЗАНЬЯ О ВОЖДЯХ“

СИБИРСКОЕ СЛОВО ПРО ЛЕНИНА

Ветер сибирский слушая,
Сам запеваю песню.
Сибирских рек разговор понимая,
Протекаю мыслью по жизни.
На высокие горы Сибири поднявшись,
Беседую с вечным солнцем.

Я—слепой якут, становлюсь зрячим.
Старческий голос мой крепнет,
Когда веду я певучее слово
О том, чьё имя—ЛЕНИН.

Вечное имя помня,
Славу ему воспевая,
Я, певец-былинник,
Протекаю мыслью по жизни...

Горы Саян и Алтая
Талой водой поят землю.
Тысячи притоков в себя вместив,
Размывая горы и тундры,
Проложив—в земле предков—дорогу,
Поперёк Сибири,
С юга на север лёг
Енисей—Отец рек.

Горных ущелий стены раздвинув,
В песок растирая столетние камни,
Степями пройдя в тайгу и в тундру,

К ледяному морю заливом разлившись,
Великим потоком стал
Енисей—Отец рек...

...Несчётное время текли потоки.
Несчётное время в цветущих долинах
Бедствовали народы,—
Друг друга ненавидя,
Друг друга угнетая,
Друг с другом ссорясь,
Теснясь и враждуя.

Рождаясь под властью богатых,
В бедности вырастали,
В ярме всю жизнь работали,
В ярме и умирали.

Кровь, пот и слёзы
Бедных людей кабальных
Видели древние камни,
Видели холодные волны
Из века в век, бесконечно.

От этого печалились горы,
Кутались в туман до срока,
Плакали дождями рано.
От этого речные волны
Вскипали тоской и гневом,
Кручинились и убегали
В глухое безлюдье моря.

Народные стоны слыша,
Народное горе чувствуя,
Берёзы, рябины и лиственницы
Желтели, горбатились, сохли,
Листья и хвою роняли,
Не видя ни весны, ни лета.

Земля неустанно кружилась.
Снега выпадали и таяли.
Менялись времена года.

Одно не менялось в мире:
Сильный побивал слабых,
Богатый давил бедных.
И не было людям счастья...

...Начав певучее слово,
Говор воды понимая,
Спросил я у Енисея:
— Так ли всё это было?
Отец-Енисей, скажи мне!

Енисей-Отец мне ответил:
— Было так в старом мире,
Но старого мира нету.
Нет!

И больше не видно
В долинах моих широких
Ни слёз, ни крови, ни гнёта.
Народы живут счастливо,
Богато живут и дружно.
И славится в новом мире
Светоч народов мудрый—
Владимир Ульянов-Ленин,
Первый строитель жизни
Земли Советской свободной...

В годы изгнаний-бедствий
Видели камни и волны
В сибирской земле кандалной—
Славного светоча жизни,
Ленина видели в ссылке.

Духом своим высокий,
Сердцем могучим твёрдый,
Владимир Ильич Ульянов
Беседовал с вечным солнцем.
В годы своих изгнаний,
Бодростью не колеблясь,

Владимир Ульянов-Ленин
Беседовал с быстробегущей
Волной свободолюбивой.

Народные слёзы слыша,
Скорбя о народной доле,
Великий изгнанник думал
О том, чтобы солнце всюду,
Для всех и всегда сияло.

В раздумьях своих, в заботах,
Печалась о бедном люде,
Изгнанник на Енисее
Глядел на свободно-шумный
Поток, разбивавший камни.
Мечтал он о новой жизни,
О новом свободном мире.

Когда на хребтах Саянских
Гремучие грозы бились,
Когда голубые стрелы
Разящих и острых молний
Распарывали густые,
Нависшие мрачно тучи,—
Тогда минусинский ссыльный,
Великий мечтал изгнанник
О битвах грядущей бури,—
Готовил себя, предвидя
Грозу Октября Вселенной...

Всё то, о чём он думал,
Всё то, что он наметил
Сбылось—осуществилось.
Желанное стало явным,
Делом скрепилось слово...

...На всех языках народы
Завет Ильича повторяют,
Мысли его запомнив,
Память его согласно
Чтут, сохранив навеки.

Жизнью цветя счастливой,
Славой храня свободу,
Наши живут народы,
Сердцем благословляя
Имя его родное,
Вечное словно солнце,
Яркое имя—ЛЕНИН...

Плавню бегут на север
Воды реки Енисея.
Лиственные деревья
Вольно шумят в долинах.
В тёмных щелях предгорий
Ветер прогнал туманы.
Земли родной Сибири,
Старые земли предков
Словно помолодели...

Говор воды понимая,
Слово своё кончая,
Стою я у Енисея—
Отца сибирских рек,
Стою на высокой круче
И так говорю живущим
Людам, деревьям, птицам,
Травам, цветам и звёздам:

— Радуйтесь новой жизни,
Славьте строителя мира.
Ленина имя славьте!

Тёмные тучи Востока,
Запада тёмные тучи
Сильной рукой отгоняйте.
Ленина дело храните!..

Мысли народов зная,
Старость свою забывая,
Стою я у Енисея,
Стою на высокой круче

И так говорю живущим
Людьми юным и старым,
Людьми страны Советов:

— Радуйтесь новой жизни,
Славьте того, кто первый
Ленинский друг-соратник!
Славьте надежду мира,
Светлое имя—СТАЛИН!

Вечное солнце с нами—
Ленин бессмертный с нами!
Вечное солнце с нами—
Сталин бессмертный с нами!

СТАЛИН-ПОБЕДИТЕЛЬ

(Хотторбот Боотур Сталин)

I

Дети мои дорогие,
Внуки мои счастливые,—
Повесть отца слепого,
Дедовское сказанье,
Выслушайте сегодня,
Завтра перескажите,
В будущее передайте...
Слово моё живое
Пусть зазвучит потомкам,
Доблестным поколениям...
Пусть озарит им сердце,
В душу им пусть прольётся
Сила отцовской песни,
Дедовская душевность:
Мысли мои—раздумья,
Думы мои—напевы.
...Дети мои и внуки,

В прошлое оглянувшись,
Вспомните наше время,—
Вспомните—поклонитесь...

II

Дьявол страны западной,
Чёрный шаман Гитлер,
Оскалив стальные зубы,
Собакою завывая,
Грозя смердящей пастью,
Слюной ядоносной брызжа,
Колючим хвостом натужась,
Ворвался в нашу землю.

Зелёно-серые черви,
Коричневые сколопендры,
Чёрные мокрицы,
В железных телегах-танках,
В чугунной броне чудовищ
Хрипели—ползли—бежали,
Плевались огнём и тленом,
Топтали леса и нивы.

Земля под ними дрожала,
Леса перед ними чахли,
Трава превращалась в пепел,
Дома рассыпались прахом,
В ручьях вода высыхала,
В поднебесье звёзды гасли,
Колхозный скот разбежался,
Младенцы умирали.

Зелёно-серые орды,
Коричневые живодёры,
Чёрные трупоеды
Двигались как зараза,
Чванились над народом,—
Наших родных сограждан
Властью порабощая,
Грабя и истязуя.

В нашем прекрасном небе
Стаи ворон железных
Солнце закрыли смрадом,
Звёзды позатемнили.
В наших морях глубоких
И на реках раздольных
Щучья порода немцев
Воду поотравила.

Пеплом, золой и пылью
След отмечая гнусный,
Двигались днём и ночью
Гитлеровские чужады;
Горь, насилье, ужас,
Смерть и уничтоженье
Двигались вместе с ними
Ужасом лихолетья.

Старые и молодые,
Взрослые и подростки,
Девушки и старухи,
Братья и побратимы,
Сёстры и сестренницы,—
Наши родные люди,—
Схваченные коварно,
В тяжкой неволе гибли...

III

...Преемник Великого Ленина—
Великий батырь Сталин—
Могучих своих соратников
Поднял к священной битве...
Припомнив Отцов-Воителей,
Венчаных былинной славой,
Народы Советской Родины
На подвиг позвал Сталин...

...Из тундры, из стран полярных,
Из древней тайги Сибири
Охотники, зверобой,

Неведающие страха;
Промышленники морские,
Играющие со смертью;
Почтенные следопыты,
Испытанные в дорогах;
Проворные рыболовы,
Не гнущиеся под бурей,— }
Явились к родным знамёнам,
Готовы итти на подвиг.

С высоких хребтов Кавказа,
С горбатов вершин Урала,
Стремительные горнопроходцы,—
Шахтёры и рудокопы,—
Упорные словно камень,
Настойчивые как свёрла,
Напористее взрывчатки,—
Всегда неутомимы,
Опасностям неподвластны,
Неколебимы волей,—
Явились к родным знамёнам,
Готовы итти на подвиг.

Владельцы полей богатых,
Хранители тучных пастбищ,—
Колхозники-хлеборобы,
Колхозники-скотоводы,—
Прославленные трудами,
Ревнители новой жизни,
Числом неизмеримы,
Силой непревзойдённые,
Мысля все заедино,
Призыв вождя услышав,
Явились к родным знамёнам,
Готовы итти на подвиг.

Из городов советских
Тысячи тысяч граждан,—
Владельцы заводов наших,—
Хозяева наших фабрик,

Рабочие и инженеры,
Механики и машинисты—
Люди большой культуры,
Люди ума большого,—
Мощно вооружившись,
Призыв вождя услышав,
Явились к родным знамёнам,
Готовы итти на подвиг.

Все народы отчизны,
Союза Счастливой Дружбы—
Союза Советских Республик,—
И малые и большие,
Все племена России
Вместе с народом русским
Встали несокрушимо
Армиею единой,
Жизнь свою защищая,
Счастье оберегая,
Сталинские знамёна
Подняли над собою...

IV

Верховный вождь народов
Вывел войска в сраженье.
Вывел, и сам ретиво
В битву вступил Великий.

Сверкающий меч тяжёлый
Над чёрным мечом поднялся:
Над Сталиным встало солнце,
Над Гитлером встала туча.

Удары мечей гремели
Сильнее ударов грома.
Слепящие искры гнева
На тысячу вёрст летели.

Земля колебалась в страхе,
В болотах кипела тина,

На полюсе лёд растаял
От этой жестокой сечи.

Леса свернулись с корнями.
Звёзды валились на землю,
Реки вспять побежали
От этой тяжёлой битвы.

Моря до дна помутились,
Горы как бы присели,
Ветер ударил в небо
От этой суровой схватки.

Песок в золу превратился,
Камень стал словно тесто,
Снег в июне выпал,—
Такое было дело.

От свиста мечей огромных
Гнулось первое небо,
От посвиста рукояток
Дрожало второе небо.

Солнцеподобный Сталин
Мечом неустанно бился.
Мраку подобный Гитлер,
Зарвавшись, стал задыхаться.

Стальные зубы злодея
Не выдержали—раскрошились.
Кривые когти шамана
Стали тупеть заметно.

Кости грудной клетки
У Гитлера затрещали,
Вывихнутый позвоночник
Стал вихлять, искривляться.

Колючий хвост трупоеда
Сам собой опустился:
Взревев побитой сукой
Гитлер пополз обратно.

Чёрный шаман Гитлер
 Думал да не додумал.
 Хотел воды напиться
 На Волге—реке российской,
 Хотел углём донбасским,
 Бараниной Туркестана,
 Украинской пшеницей,
 Кавказской тёплой нефтью,
 Крымским виноградом,
 Северной пушниной
 Брюхо своё насытить,
 Кости свои украсить.

Хотел захватчик мерзкий
 Питаться нашей кровью,
 Мильонами душ несчастных
 Хотел напитать фашистов.
 Мозгом наших потомков,
 Нашим трудом и потом
 Хотел кровожадный дьявол
 Властвовать безраздельно.
 Чванствуя и бахвалясь,
 На половине мира
 Был он полувластелином...
 Был и не удержался!
 Возле широкой Волги
 Себе водопой наметив,
 Встретил коварный дьявол
 Огненное похмелье.

В каменном Сталинграде
 Выю ему согнули,
 Возле Орловской пашни
 Бёдра его сломали.

С Северного Кавказа
 Он до Днепра тащился,
 От побережий Невских
 Полз до Кенигсберга.

Крым оставляя спешно,
Враг отбежал до Праги,
После боёв на Висле
Спрятался он в Берлине.

Чёрный шаман Гитлер
Думал да не додумал...
Не было места в мире,
Где бы он отсиделся.

Солнцеподобный Сталин
Мраку не даст пощады.
Меч в богатырской длани
Силой не оскудеет.

VI

Месяцы, дни и годы
Длилась война жестоко.
Меч Золотой Свободы
Стал побеждать Насилье.

Чёрный шаман поднялся
В сумрак пустынь воздушных,
Но громовым ударом
В землю был опрокинут.

В зыбкой пучине моря
Гитлер на дно спустился,
Но остриём победы
Вышвырнут был оттуда.

На сто погонных сажен
Спрятался Гитлер в землю,—
Но неусыпный Сталин
Выгнал его оттуда.

Сталинский меч Победы,
Отдыха не давая,
С чёрным мечом сражался
Грозно и справедливо.

Тщетно пытался ворог
Сталина обескровить,—
Неуязвим был в битве
Вождь-Победоносец.

Бронью любви народной,
Бронью народной силы
Был он закрыт надёжно
Против ударов вражьих.

Чёрным мечом насилья
Гитлер грозил напрасно,
Меч Золотой Свободы,
Сталинский меч бессмертен.

В логове стаи псиной
Злобный носитель яда,
Чёрный шаман последний
Был поражён навечно.

Сталинский меч Победы,
Славясь и торжествуя,
Ныне, всегда и присно
Чествуется вселенной.

На алтаре народном
Выше святыни нету.
Знамя великой жертвы
Меч осеняет честью.

Вождь—Победитель мрака,
Сталин несокрушимый,
Будь нам отцом и другом,
Солнцем Победы нашей!





НОВАЯ
ФОЛЬКЛОРНАЯ
ПОЭЗИЯ



ПЕСНЯ СВОБОДНЫХ

Жизнь свободная тверда,
Береги свободу.
Силу вольного труда
Отдавай народу. 2 раза

Мы идём всегда вперёд
Светлыми путями.
Счастье нас с собой ведёт
И удача—с нами! } 2 раза

Сила вольного труда
Песнею ликует:
Враг повержен-навсегда,
Правда торжествует. 2 раза

ПЕСНЯ О МИРОЗДАНИИ

Послушайте, посмотрите,
Друзья мои, дорогие!
Полярным льдом стиснута,
Пловучим льдом стянута,
Камнем перепоясана,—
Хранит огонь подземный
Земля моя Праматерь.

Охотское море—округло,
Глубок океан Ледовитый,
Чёрное море нарядно,
Белое море кипуче,
Красное море узорно.
Земля-Праматерь прекрасна!

Спутник её на небе—
Ласковое солнце,
Восемь лучей-сияний
В полдень вздымает ярко.

В полночь, на небосводе,
Девять созвездий дружных,
Словно светильник вечный,
Держат луну высоко.

Семь золотых алмазов
Блещут всегда в Плеядах,
Чтобы Земля-Праматерь
Вечером не заблудилась...

...Про эту, мою Вселенную,
Обильную, многоликую,
Просторную, восьмигранную,
Восьмью ободами украшенную,
Про эту землю извечную
Прежде так говорили:

«Бог, всего создатель,
За шесть дней—только—
Будто её сделал...»
Кто в это нынче верит?
Нет таких полоумных!

Чудесное Мирозданье
Построено природой.
Соитие сил бессмертных
Постигнуто человеком.

Плоть огня и праха,
Плоть воды и ветра
Двигается к совершенству
Вечной силой жизни

ПРОКЛЯТИЕ ГИТЛЕРУ

I

Рождённый с проклятьем
В проклятом краю—
Маляр, обмалёванный кровью,
Убийца,
Чудовище,
Чёрный злодей,
Вожак трупоедов зловонных,—
Позорная слава твоя прожита,
Ущербные дни наступили:
Конец тебе, Гитлер, подходит конец,
Спасения нет и не будет!

За то, что ты смертью вселенной грозил,
За тысячи тысяч убитых,
За гибель детей, умерщвлённых войной—
Закат над тобой нависает:
Конец тебе, Гитлер, подходит конец,
Спасения нет и не будет!..

II

Ты думал, что стал знаменит и велик.
Ты звал себя—первым из первых.
Ты думал, что власть твоя вечно крепка,
Ты чванился, вспухнув гордыней.
Плюю на тебя! Тьфу!

¹ Перевод по оригиналам из фондов Научно-Исследовательского института истории, языка и литературы ЯАССР.

Плюю на тебя! Тьфу!
Плюю на тебя! Тьфу, проклятый!

Живущих под солнцем,
Ты в смертную тьму
Загнал ненасытный насильник.
Железным бичом избивал ты детей,
Безумствовал дьявольский изверг.

Ты солнце хотел навсегда затемнить—
Разбить ендову золотую:
На небе высокий покой облаков
Хотел ты встревожить, безумец.

Срединного мира зелёную гладь
Засыпал ты пеплом и пылью.
Ты всё разрушал, ~
Поджигал,
Разорял,
Разваливал, радуясь злобно.

Ты—гибелью был.
Ты—невзгодою был.
Ты—счастье у юности отнял.

III

За то, что ты мир, как лукошко с водой
Расплескивал в ярости дикой;
За то, что ты землю ногами топтал
И землю мою растревожил;

Из этой морозной далёкой земли,
От стен Ледовитого моря,
Из снежных заносов якутской тайги
Старинным отцовским проклятьем,
Испытанным словом,
Носителя зла—тебя—заклинаю:
— Будь проклят!

Гляди!
Седовласый и дряхлый якут,
Пылаю, как юноша, гневом.
Гляди!
Словно ворон тебе ворожу
Проклятие, горе и гибель!
Карр! Тьфу!
Карр! Тьфу!
Карр! Тьфу!

IV

Чудовище-Гитлер, слушай!
Исполнились все сроки,
Час возмездья грянул,
Меч отмщенья поднят,—
Время расплаты близко.

Чудовище-Гитлер, слушай!
Моё колдовство—устье,
Падай в него—прямо,
Место твоё в преисподней.

Слово моё—лопата,
Судьба твоя—могила,
Зев её распахнут.

Но ты ещё не сгинул...
Мучайся в сумасшествии,
Бедствуй в слабоумии:
Бесы тёмных мыслей
Пусть в тебя внедрятся!

Дьяволы всех сомнений
С глазами на затылке,
С зубами в грудных клетках,—
Пусть тебя сглодают!

Сумеречные черти,
Синие кровопийцы,
Пьющие кровь как воду,
Пусть в тебя вопьются!

Сам Дьэргэстэй безносый,
Бледно-багровый призрак
Голым, бесцветным оком
Пусть тебя сглазит нәсмерть!

Знаешь ты, Дьэргэстэя?
Вот он к тебе подходит,
Огненнобровый хищник
Грешную кровь выпьет,
Кости твои раздавит,
Вырежет спесь с мясом.

Рост он твой укоротит,
Гордость твою похерит.
Вместе с преступным телом
Счвакает душу.

Вызванный тобою
Дьявол чёрной битвы,
Солуоннай-Каратель
Явится самолично,

В череп твой волосатый
Коготь колючий вгонит;
Три становые жилы
Выдернет, измочалит.

Мозг твой бесстыдно-жидкий,
Родивший столько гноя,
Солуоннай-Каратель
Высосет не поморщась.

Став остромордым зверем,
Солуоннай-Каратель
Челюсть твою расколет,
Язык тебе перекусит.

Карр! Тьфу!
Ха-ха-ха! Карр! Тьфу!
Карр! Тьфу!

Как ты людей свеживал—
Тебя пусть освежают!
Как ты других заламывал—
Тебя пусть заломят!

Как ты якутов давил—
Тебя пусть задавят!
Тело твоё пусть размесят костлявой мутовкой!
Жилы твои пусть взболтают шумовкой железной!
Да превратишься ты в кровавую слякоть!

Да погибнет твоя столица!
Пусть в ней будет скотский могильник,

Да станет Берлин пустыней!
Пусть в нём будет место изгнания.

В огне, зажжённом тобою,
Сгорят твои же мысли.

Там, где ты родился,—
Пусть копошатся черви.

Там, где ты вознёсся,—
Пусть расплодятся тени...

Следы твои кровавы
И кровь эта—не засохнет.
Там, где ты проходишь,
Гной потечёт со смрадом.

Всё, что ты имеешь,—
Утратится безвозвратно.
Деревни твои вымрут,
Посёлки твои ищают.

Владыка пустого места,
Торговец разбитой лавки,
Потомство тебя помянет,
Как дьявола припоминают.

Падай в забвенье навзничь!
Память твоя постыдна.
Имя твоё с проклятьем—
Только—произнесётся.

На месте, где ты вырос,—
Засохнет бледная плесень.
Но если ты станешь пылью,—
Земля тебя не примет.

И если росой грязной
Взлетишь ты туманом к небу,—
Тучи отшатнутся:
Настолько ты противен.

VI

Твои кривые ноги,
Которыми ты шагаешь,
В суставах истлевая—
Пусть вывалятся с корнем!

Твои тугие руки,
Которыми ты дрался,
Скрюченные болезнью—
Повиснут пусть бессильно!

Оба жадующих глаза,
Которыми ты смотришь,—
Бельмами пусть затянет:
Да будешь ты незрячим!

Пусть тебе и слепому
Духи глазных болезней
Пальцем оледенелым
Выколют оба глаза!

Оба коварных уха,
Которыми ты слышишь,
Оглохнут пусть отныне
Каменной глухотою!

...Сифилисная болезнь
Съест тебе нос и губы!

Одышливая водянка
Пусть тебя задушит!

Яростная проказа
Пусть тебя четвертует!

VII

Все твои пожитки,
Нажитые грабежами,
Всё, что успел украсть ты,
Пусть заберёт нечистый!
Пусть ты да будешь нищим,
Алчущим ненасытно!

Карр! Карр! Карр!
Благословляют маслом.

Карр! Карр! Карр!
Я проклиная кровью.

Слово моё волшебное:
Сказанное, да будет!..

Тёмная тень духа,
Изгнанного рассветом,
Тень Харгыстаая—
Страшного лиходея,
Пусть на тебя наступит,—
Ярость свою слепую
Пусть утолит тобою!

Мерзостные поветрия,
Злобствующие недуги
Пусть тебя взлихоманят,
Пусть тебя одолеют!

С каждым днем грядущим
Обугливайся в берлоге!

С каждой неделей новой
Скукоживайся в головёшку!

Молнии жаркий пламень
Тело твоё да сгубит!

Гром, поражая гулко,
Дух твой да разметает!

VIII

Пусть моровая язва,
Пусть мозговая немочь
Будут твоей добычей,
Будут твоим уделом!..

Заразись скоротечной чахоткой!
Заболея туберкулёзом!
Ползай в грязи на брюхе,
Пошатывайся на коленях!..

Получи каменную болезнь—
Падай в бездну камнем!..

Захвати гнойный нарыв—
Скрючься, скобенься на бок!..

Прими мокрый лишай—
В сукровицу расползайся!..

IX

Ты будешь гнилой стелькой,—
Посмешищем и позором!
Так тебе предрекаю,
Так тебе говорю..

Оборотнем извернувшись,
Стану тычком железным—
С грохотом заклиная
В Гитлера да воткнусть!

Ха-ха-ха-ха!
Карр! Тьфу! Тьфу!

Примечание переводчика. Импровизация исполнялась в годы Великой Отечественной войны. Записана в январе 1945 г. научным корреспондентом Научно-Исследовательского института истории, языка и литературы ЯАССР Степановым П. Т. Запись сделана по импровизации певца, бывшего шамана Алладьбы (Абрамова Петра Алексеевича) во II Нахарском наслеге Мегино-Кангаласского района ЯАССР. Разбивка импровизации на фрагментарные кадры сделана автором перевода для облегчения восприятия материала русским читателем.





ИЗ ЭВЕНКИЙСКИХ
ПОЭТОВ

Никита Сахаров

ЛЕНИН С ЭВЕНКАМИ

В чашах жили северяне—
Старожилы.
Зверя били северяне,
Бедно жили.

Возле рек глухих и хмурых
Жили старожилы
И напевы зимней бури
В песни положили.

А как Ленинское солнце
Землю обогрело,
Песни наши стали звонче,
Веселее дело.

Правда Ленинская с нами,
Землю освещая.
Знамя Сталинское с нами,
Жизнь пришла большая.

В нашей песне будет Ленин
Славиться веками.
Вечно с нами будет Ленин,
Ленин всюду с нами!

НОВЫЙ КАЛАКАН

Олени топчут свежий мох,
Весна нахлынула в тайгу,
Песок серебряный просох,
Костры горят на берегу.

Беспечна девичья игра,
Одёра-танец-хоровод...
И в песне славит до утра
Вождя великого народ.

И ветер песню донесёт
До стен Московского Кремля,
И Сталин слышит, как поёт,
Шумит весенняя земля...

Над дикой северной рекой
Стоят утёсы выше туч.
Тяжёл их каменный покой,
Гранит незыблем и могуч.

Спросите, камни скажут вам,
Как царь, купчина и кулак
Эвенков гнали по горам,
Чтоб соболей несли в ясак.

Спросите Калакан, Витим,
Какой водой утёс дробить?
В слезах народных было им
Возможно горы затопить.

«Туземец»,—звали нас,—«тунгус».
Не видел солнца человек.
Голодный чум дыряв и пуст,
Закабалён нуждой навек...

...А нынче Калакан...
Взгляни!
Таёжный город твёрдо встал.

Электростанции огни
Глядят на горный перевал.

Там звуковой кинотеатр,
Клуб пионеров, школьный дом,
Там крики радостных ребят,
Бегущих на аэродром.

Там песню мужеству поют.
Задорный юноша эвенк,
Раскрыв зелёный парашют,
Полётом славит новый век...

Когда настанут холода
И на реке окрепнет лёд,
Придут охотники сюда,
Пастух оленей приведёт.

Под свист бушующей пурги
Друзей приветы зазвучат:
— С добычей, с праздником тайги,
Советский Қалакан, встречай!..

И встретит Қалакан гостей,
Украшен будет клубный дом
Зелёным бархатом ветвей
И кумачёвым полотном.

И песня наша загремит
Навстречу натиску ветров,
И наше знамя ввысь взлетит
Над снежным холодом хребтов.

На нашем знамени всегда,
Великий Сталин, с нами ты!
Твой голос к нам идёт сюда
Отцовским словом теплоты.

И свой привет сыновний шлёт
Советский Қалакан тебе.
Ты, воскресивший наш народ,
В труде учитель и в борьбе.

Тайга Витимская вокруг
Шумит: живи на много лет!

Спасибо, наш великий друг,
Эвенки шлют тебе привет!

ДОЧЬ МАНГАНАНА

Луч весенний, молодой—
Солнце из тумана.
Возвращается домой
Ника Манганана.

Ждало стойбище давно
Гостью-ленинградку,
И отец её родной
Ставил ей палатку.

За лесами, далеко,
Каменной громадой
Город поднял высоко
Имя Ленин-града.

Институт народов там,
Северных народов.
Светоч юности там
Северных народов.

Тридцать дней туда пути
Шагом великана.
Там училась дочь тайги—
Ника Манганана.

Волей партии родной,
Сталинской заботой
Эвенкийке молодой
Путь открыт с почётом.

Самолёт её несёт
Над Страной Советов.

Улыбаётся пилот,
Солнышком пригретый.

День весенний, золотой.
Нет нигде тумана.
Возвращается домой
Ника Манганана.

Возвращается домой
Синью небосвода,
В первый раз к тайге родной
За четыре года.

Вот уже внизу Сибирь,
Реки и озёра,
И лесов знакомых ширь—
Радость кругозора.

Позади Иркутск дымит,
Горы встали круче.
Самолёт спешит, гремит
Над косматой тучей...

По реке, по Чалбуке,
Лодка-берестяна,
Тихо едет налегке
Старый Манганана.

Слышит где-то самолёт,
Сказочная птица.
Смотрит старый. А пилот
На лужок садится.

Тут из стойбища народ
С криком подбегает,
Каждый Нику узнаёт,
Весело встречает.

Старый к дочери припал,
Плачет и смеётся:
Он четыре года ждал,
Ждал, что дочь вернётся.

Вот вернулась к нам она,
Дайте наглядеться!
Высока она, стройна,
Радуется сердце...

Слыша сказочную весть,
Люди в нетерпенье
Изо всех окрестных мест
Мчатся на оленях.

На станóвье, у реки,
Где костры пылают,
Молодёжь и старики
Нику окружают.

Что ни час—опять рассказ,
Встреча так желанна!
С дочери не сводит глаз
Старый Манганана.

РОДНОЙ ТУНГИР

Лоси в долине Тунгира,
Росомахи и лисы живут;
В реках родного Тунгира
Рыбные стаи растут.

В горных распадках Тунгира
Изюбри и кабарга;
Медведи в чащобах Тунгира
Сытые греют бока.

На островах Тунгира
Олени щиплют траву.
Вольные степи Тунгира
Козьим загоном зовут.

Эвенки в долинах Тунгира
Одёру ведут—хоровод;

В посёльях родного Тунгира
Радостен нынче народ.

В долинах родного Тунгира
Знатные оленеводы.
В колхозах большого Тунгира
Богаты и зёмли и воды.

В далёких горах Тунгира
Пионерские клубы и школы.
Эвенки родного Тунгира—
Оседлые новосёлы!

ИНСТИТУТ НАРОДОВ СЕВЕРА

В городе имени Ленина—
Наш институт.
В городе имени Ленина
Мудрость наук познают.

С Камчатки и с Сахалина,
С Зеи и с Ангары
Мы едем дорогой длинной,
На всех языках говорим,

Эвенки, нанайцы, манси,
Кэты и якуты,—
Все мы, друзья, встречаемся—
Дети лесов и пустынь.

В городе имени Ленина—
Наш институт,
В городе имени Ленина
Новые люди растут.

Н. Сахаров, А. Кириллов

НАШ СТАЛИН

В тайге, над далёким Витимом,
Эвенки в кочевьях поют
О Сталине нашем любимом
Заветную песню свою.

В тайге старики и старухи
Хотели б увидеть его.
Об этом они напевают
Всю ночь у костра своего.

В чащобах и ернике диком,
Где строит посёлок колхоз,
О сталинском деле великом
Эвенк свою песню пронёс.

В Москве наш Отец и учитель,
Но с нами он мыслью своей:
Забота его о народе
И нет его слова теплей.

Он видит и слышит и знает,
Как всюду народы живут.
Он нас каждый день вспоминает,
От нас к нему вести идут.

Идём мы дорогой широкой,
Мы светлую жизнью живём
И сталинской воле высокой
Народную славу поём.

А. Кириллов

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

Ночь спустилась на тайгу
И костры давно горят,
На высоком берегу
Девушки уселись в ряд.

Юноши напев ведут
На высоком берегу.
Звёзды по небу идут,
Словно птицы на лугу.

Спит тайга, кругом покой
На высоком берегу.
Летний месяц за рекой
Опускается в тайгу.

А у самой у реки,
У пылающих костров,
Комсомолия тайги
Славит юность и любовь.

ДОМОЙ!

(студенческая песня)

В Якутск сегодня еду—
На родину свою,
С друзьями вместе еду
И песню им пою.

В советском Ленинграде
Учились мы, друзья.
Учёбе были рады,
Счастливые друзья.

Закончена учёба,
Сегодня путь—домой!
Знакомые девчата
Прощаются со мной.

На стойбище далёком
Отец-старик и мать
Студента-комсомольца
Готовятся встречать.

С друзьями вместе еду
И песню им пою:
В Якутск сегодня еду—
На родину свою!

Султураева, Молчанов, Бираулев

ПЕСНЯ ШКОЛЬНИКОВ

Как река, бежит-шумит,
Как волна, летит-кипит,—
Из лесов, степей и гор
На приветливый костёр
Собираются друзья—
Наша школьная семья.

Деликиэн, делекиндя,
Деликиэн, делендя!¹

На оленях, по тропам,
Встречный ветер дует нам.
Только песня молода,
Ей не страшны холода.

Осоройкон, осоройкон,
Осоройкон, осоройкон!

Наши братья, наши сёстры
Поднимают в лодках вёсла,
Брызжет искрами вода:
В школу едут к нам сюда.

Делиндякун, делендяэй,
Делендякун, делендяэй!

¹ Припевы в «Песне школьников»—непереводимые восклицания.

Как река бежит, шумит,
Как волна летит-кипит,
Так со всех лесов и гор
Собрались на школьный двор
Все знакомые, друзья—
Наша школьная семья!

Осоройкон, осоройкон,
Осоройкон, осоройкон!

С. Пикунов

ЛЕТЧИК ЛУКСАН

Недалёко от Байкита
Он был найден в чёрный год,
Полуголый и забытый,
В юрте смерти и невзгод.

Сердобольные старухи,
Будто сына своего,
Молоком от оленихи
В соске пичкали его.

Так на шкуре сохатинной
Или в люльке кочевой,
Рос приёмыш-сиротина
У эвенков, как родной.

В школе был он нам примером,
Весельчак, любитель книг.
Он был славным пионером,
Самый лучший ученик.

Восемнадцать лет считали
Мы ему, когда Луксан
Лыжи взял и вдоль проталин
В Красноярск уехал сам.

Думали погибнет парень
И дороги не найдёт,
Но учился он не даром...
Слухи шли из года в год,

Что Луксан нашёл дорогу—
В Красной Армии Луксан,
Подаёт пример для многих—
Самолёты водит сам.

А сегодня по Байкиту
Южный ветер весть принёс:
Наш Луксан стал знаменитым,
Прилетел в родной колхоз!

Все пришли смотреть Луксана,
Как приёмыш наш живёт.
Не узнать теперь, Луксана,
Удивляется народ.

В новой кожаной одежде,
Смуглолиц, высок, румян,
Улыбается, как прежде,
Весел, радостен Луксан.

Дети влезли на колени:
— Ты откуда прикатил?
— Чем железного оленя
— Ты на воздухе кормил?..

Пионеры встали кругом,
Девушки, смеясь, глядят,
Старики со всей округи
Побеседовать хотят.

Напролёт всю ночь беседы:
— Как учился, где летал?
Все байкитские соседы,
Каждый гостя в гости звал.

А на утро, раным-рано,
Серебром зари покрыт,
Самолёт гудел луксанов,
Поднимая весь Байкит.

Покатал на самолёте
Пионеров всех Луксан.
— Все вы будете пилоты!..
Так сказал нам наш Луксан.

Алексей Платонов

ИДУ В КРАСНЫЙ ФЛОТ

Когда родился я в тайге,
Меня качала мать,
А мой отец и старший брат
Шагали воевать.

Когда родился я, была
Великая пурга:
Война гражданская была,
Вставала вся тайга.

И люди шли, чтоб победить
Иль умереть в бою,
И люди шли, чтоб кровь пролить
За Родину свою.

Мой брат японцами сожжён,
Отец мой был убит,
Под красным пологом знамён
Давно в могиле спит.

Сегодня я иду в поход,
Мне нынче двадцать лет;
Как гражданин и патриот
Я дам врагу ответ.

Родная мать счастливой будь:
Здоров и весел сын.

Теперь лежит мой новый путь
Во Флот на Сахалин.

Мне будет школой Красный Флот,
Хочу учиться там,
Чтоб командиром через год
Приехать в отпуск к вам.

ПИОНЕР СОМИРЧА

На севере, в чаще далёкой,
Поёт пионер Сомирча
О сталинской правде высокой,
О жизни внучат Ильича.

Свой галстук, сверкающий, алый
Впервые надел Сомирча,
И жизнь для него засияла,
И песня его горяча.

Гордится он радостью новой,
Он книгу сжимает в руке:
Написано Сталина слово
На нашем родном языке.

На севере, в чаще далёкой,
Где песня весны горяча,
О сталинской ласке высокой
Поёт пионер Сомирча.

ПЕСНЯ О ПЕРВОМ МАЕ.

Наш праздник солнца—День Труда,
Таёжный Первомай.
Весна сама идёт сюда,
Вставай и запевай!

Мороза нет и снега нет,
Для пляски место есть.

На крыльях птиц—весны привет
И радостная весть.

На дне морском и на земле,
На тундре и в лесу
Шумит весна в цветах, в тепле,
И реки лёд несут.

Пурга умчалась далеко,
До будущей зимы.
А солнце светит высоко,
И радуемся мы.

Под красным знаменем идём
На праздничный парад.
Встречает нас весенний гром,
Огни зарниц горят.

Сама весна идёт сюда,
Встречай и запевай:
Наш праздник солнца—День Труда,
Таёжный Первомай!

ТАК БУДЕТ СКОРО

Тук-да-тук! Подъём да спуск!
Синевеют небеса.
Расступаются леса.
Первый поезд на Якутск:
Ух-ух-ух! Ух-ух-ух!
Ребятишки во весь дух,
Забняки, непоседы,
На оленях мчатся следом,
Мчатся лесом через гать
Поезд силятся догнать.

Тут-да-тук! Тук-да-тук!
По тайге несётся стук.
Птицы мечутся в испуге,
Всю таёжную зверюгу

Распугал стальной гудок.
Утки в гнёзда улетели,
Кабарги остолбенели,
Медвежат задорных мать
В бурелом спешит загнать.

Ух-ух-ух! Ух-ух-ух!
Паровозный дышит дух.
Вот в лесистом буераке
Чутко взлаяли собаки.
Изо всех окрестных юрт
Люди радостно бегут,
Старики и молодые,
Посмотреть пути стальные
Поскорей они хотят:
Каждый счастлив, каждый рад.

Дым густой несёт волòкна,
Паровоз гремя летит,
Пассажиры смотрят в óкна—
Наше стойбище шумит.
Машут пёстрыми платками
Эвенкийцы всем гостям,
Паровоз кричит гудками:
— Едем, едем, едем к вам!..

А в Якутске на вòбзале,
Якуты давно уж ждут,
Пионеры в светлом зале
Песни встречные поют.

Тук-да-тук, да-тук-да-тук!
По тайге несётся стук.
Синевеют небеса,
Расступаются леса:
Путь большой—подъём да спуск.
Поезд мчится на Якутск.





ЗАЧИНАТЕЛИ
ЯКУТСКОЙ
ПОЭЗИИ

А. А. Кюндэ

ПЕСНИ, КОТОРЫЕ Я ПОЮ...

(1916 г.)

Песни те, что я пою,
Песни те, что я слагаю
Птицы в поле пропоют
Моему родному краю.

Песни те, что я пою,
Песни нашей бедной жизни
Птицы в чашах пропоют
Для счастливейшей Отчизны.

Песни те, что я пою,—
Одинокий крик скитальца,
Потерявшего семью,
Неудачника-страдальца.

Как журавль в глуши болот,
В тундре я—забытый житель.
Скудный мир меня гнетёт
И не виден избавитель.

Песни те, что я пою,—
Это только тихий лепет,
Тех надежд, что я таю,
Приглушив душевный трепет.

Как ручей журчит едва,
Скрытый впадиной провала,
Так звучат мои слова
Незаметно и устало.

Песни те, что я пою,
Это плеск воды суровой
В леденеющем краю,
Сжатом каменной оковой.

...Песни, песни, где вы, где?
Давит мрачная усталость.
Имя озера «Кюндэ»—
Неразгаданным осталось.

А. И. Софронов

РОДИНА

(1912)

I

Как труп, лежащий под землёй,
И глух, и нем мой край родной.
Ручьи, задавленные льдом,
Пропали в сумраке седом,
Моя косматая тайга
Вершины спрятала в снега.

Трудолюбивый человек
Едва влачит свой жалкий век.
Он в юрте дымной и сырой
Живёт ненастною порой,
Подавлен, сгорблен и угрюм.
Слабеет воля, вянет ум.
Лишений тягостная тень
Грозит якутам ночь и день.

И песней сердце не согреть.
Кто запоёт?
Попробуй петь—
Но жутко оборвётся звук,
Как вопль от затаённых мук.

II

Я крылья мощные обрёл
И прынул в небо, как орёл.
И взор пыльный мой проник
В счастливый мир,
В страну-цветник,
Где щедрым солнцем залита
Живёт Любовь и Красота.

Блаженный житель той страны
Свободнее морской волны:
Доволен миром,
Счастью рад—
Он славит свой прекрасный сад...

Но я закрыл глаза рукой
И вспомнил с болью и тоской
О матери—моей земле,
Лежащей в холоде и мгле.

И руки я свои простёр
Туда, где искрится костёр,
Где под сугробом тонет луг,
Где лес ломается от вьюг,
Где юрта ветхая моя
И в ней голодная семья.

Там всё молчало.
Океан
В тайгу и тундру гнал туман.

О, Родина!
Родная ширь!
Ты, как пленённый богатырь,
Лежишь под тяжестью оков
У ледовитых берегов.

Ты мучишься в кошмарном сне.
Твой стон тревожит сердце мне.
Но верю я, твой час придёт,

Проснётся бедный мой народ,
И разлетятся силы мглы—
Оковы зла и кабалы.

Все люди гибнущих племён,
Все, кто сегодня угнетён,
Объединятся на борьбу—
Пойдут решать свою судьбу.
Всей силой чувства и ума
Я верю, что погибнет тьма!

III

Тебе пою я, молодёжь,
Ведь ты до счастья доживёшь.
Заря грядущих, светлых лет
Былого горя сгладит след.

Но те, кто головы сложил,
С надеждой ждут в тиши могил;
Застывши в вечной мерзлоте,
Они верны своей мечте.

И вот, послушай! То не сон—
Чуть слышно заструился звон:
Желанный первенец-ручей
Запел под настом горячей.

Кто раньше встал,
Тот громче пой!
Счастливый поднимай прибор,
Труби весенняя вода.
Пусть содрогается беда! ¹.

¹ Перевод выполнен в сотрудничестве с поэтом Л. Стекольниковым.

ПЕСНИ ДУХОВ

(1914)

«...Нет, из чистых небожителей
Избирай твоих свершителей!
С неприступных облаков
Призови твоих духов...»

Жуковский

Пролог

Это было в час рассвета,
В день блистательного лета:
На своём чудесном троне
Поднималось в небосклоне
Божество любви святое,
Солнце вечно золотое.

I

По дороге солнцевсхода,
Краем облачного свода,
Вслед плывущему светилу
По небесному горнилу
Через облачные кручи
Поднимался Дух могучий.

Озарённый солнцем чистым,
Сам серебряно-лучистый,
В светозарных лёгких латах
Плыл по небу Дух крылатый,
Справедливости ревнитель,
Всех живущих покровитель.

Презирая смерть слепую,
Злобу тайную, немую;
Разбивая мрак сомненья,
В мир неся благословенья,
Светлый Дух вставал открыто
Человечеству—защитой.

Он летел, к земле снижаясь,
Биться с кривдою решаясь,
В преуказанные сроки
Уничтожить все пороки,
Чтобы род людской счастливо
Жил свободно и правдиво.

II

В этот самый час из бездны
Поднимался Дух железный,
Дух, подобный хищной птице,
Дьявол смерти, огнелицый,
С копьевидными когтями,
С ядовитыми крылами.

Это был властитель злобы,
Дух, питающий утробы
Всех насильников вселенной,
Всех, кто дышит смертью тленной,
Кровью жажду утоляет
И убийство похваляет.

Разжигающий раздоры,
Этот Дух вступает в ссоры,
Поощряет все соблазны,
Правду душит без боязни,
Преступленья подстрекает,
В пропасть гибельно толкает.

С шумом вылетев из бездны,
Громыкнув крылом железным,
На скалу, на камень голый
Опустился он тяжёлый
В стороне, где тень густая
С ним столкнулась, вырастая.

Сидя там, зловещим оком
Он поглядывал жестоко,
Духа Света озирая,

Глазом тлеющим играя.
И была в его глазницах
Мёртвых сумерек зарница.

Песня первая

Д у х Д о б р а :

«Это ты, носитель смуты,
Ставишь людям злобы путы,
Ты толкаешь к преступленьям
Простодушные творенья?..

Люди созданы для света,
Солнцем их душа согрета.
Ты несёшь туман с собою,
Чёрной давишь их судьбою.

Лживый, хитрый и коварный
Ты, проклятый Дух злонравный,
Сын холодного ненастья,
Ты—причина всех напастей!..

Мучишь ты трудолюбивых,
Гонишь в бездну терпеливых,
Тунеядцев поощряешь,
Прямодушных совращаешь.

Ты—позор для всей вселенной!
Проклят ты и путь твой тленный.
Сгинь! Уйди в страну тумана,
Дух насилья и обмана!

Нынче быть тебе разбиту.
Знай, я вышел на защиту
Всех обманутых тобою,
Всех обиженных судьбою.

Вековую тьму сегодня
Сброшу в пропасть преисподней,
Тучи мутные откину,
Горы ненависти сдвину,

Чтоб, забыв о кознях злобных
Бедствий всех, тебе подобных,
Люди радовались, жили,
И всегда Добру служили...»

...Засмеялся демон бездны,
Загремел крылом железным.
Затрещал противный хохот,
Как сухих деревьев грохот.
Багрянеющее око
Злостью вспыхнуло жестоко.

Д у х З л а:

«Слушай ты, *любвеобильный,
Небожитель простофильный,
Ты, пожалуй, прав во многом,
Но меня... Изволь не трогать.

Да, конечно, я повсюду
Был и есть и вечно буду.
Силы злые мне подвластны,
И труды их не напрасны.

Я встаю тебе преградой
И мои отродья рядом.
Но твоё людское племя
Принимает наше семя.

Я несусь с собой забвенью,
Славлю я грехопаденье;
Я везде воздвигнул беды.
Велики мои победы.

Презирая Правды милость,
Я люблю несправедливость.
Ты бросаешь вызов?
Что же,
Пусть твой бог тебе поможет.

Словеса твои прекрасны,
Но с тобою нет согласных.

Злоба—это, брат, твердыня!
Ты её навряд ли сдвинешь.

Нет! Твои усилья тщетны.
Их итоги незаметны,
А моё создание прочно:
Всё живущее порочно...»

Песня вторая

Д у х Д о б р а:

«Было так!
Зато отныне
Зло кровавое загинет.
Ты исчезнешь, Дух надменный,
Добрый день пришёл вселенной.

Ты веками укреплялся,
И не видишь, что зазнался.
Час пробил!
Твои оковы
Уничтожить мы готовы.

В пропасть ты скользишь, проклятый.
И, гордынею объятый,
Будешь гнить в своих берлогах,
Поражённый карой бога...»

Д у х З л а:

«Не пугай меня, приятель!
Твой наставник и создатель
Совладать со мной не сможет
И тебе он не поможет.

Рать моя неисчислима.
Сила Зла неистребима.
Я всегда, во всём, повсюду
Во вселенной править буду!»

Песня третья

Д у х Д о б р а:

«Нет, ошибся ты в расчётах,
Не дождёшься ты почёта.
Бог своим родным созданьям
Дал великое призванье:

Люди будут прозорливы,
Добродетельны, счастливы,
И сегодня—близки сроки—
Уничтожатся пороки,

Человечество воспрянет,
Жизнь его чудесна станет,
И творцу в благодаренье
Будет радостно моление!»

Д у х З л а:

«Неужели?
В самом деле?
Что то вы не доглядели.
Почему твой бог-создатель
Обмишулился, приятель?

Почему же в день творенья
Бог, имея подозренья,
Сразу нас не уничтожил,
Силы злобные размножил?

Кто же в этом виноватый?
Вот вопросик трудноватый...»

Песня четвёртая

Д у х Д о б р а:

«Эти речи слишком смелы.
Есть всему свои пределы.

Твой предел, ты не избудешь:
Пусть—ты был,
Но ты—не будешь!

Бог Любви и Правды вечной
На скрижали бесконечной
Начертал своё веленье—
Всем назначил искупленье.

Нынче жизнь земли несчастной
Будет новой и прекрасной,
Будет в людях божья милость,
Мир, Любовь и Справедливость...»

Приподнялся Демон бездны,
Застучал крылом железным:
Солнце тенью заслоняя,
Тучи с шумом нагоняя,
Обнажая зев кровавый,
Он прищурился лукавый.

Как ущерб луны холодный
Глаз его мерцал голодный.
И возник в краю гористом
Хохот дьявольский со свистом:
Эхо билось как обвал.
Демон дико хохотал.

Д у х З л а:

«Погляди-ка, мой приятель,
Добродетельный старатель:
Дети солнца, то бишь люди,
Ждут, когда ты к ним прибудешь».

Эпилог

Светоносный покровитель,
Дух Добра, небесный житель,
Землю взглядом озирая,
Содрогнулся замирая:

Изливаясь родниками,
Кровь людей лилась реками.
Вся земля в крови шумела,
Морем крови багровела,
Злая, яростная сила
Водопадами бурлила.

Все напасти и невзгоды
Навалились на народы,
Все таимые пороки
Бушевали как потоки,
В плясках мерзких враждовали,
Добродетель побеждали.
И туман кроваво-алый
Поднимался небывалый...

Пусть узнает Вседержитель—
Вечной мудрости хранитель,—
Пусть творец добра и света
Сам проведает про это,
Сам пойдёт в борьбу мирскую
И решит судьбу людскую...

Так решил Дух Светозарный,
Покидая мир коварный.
И высоко в небе чистом,
Сам серебряно-лучистый,
Как звезда на солнцевсходе
Он исчезнул в небосводе.

Примечание переводчика. Поэма «Песни духов» написана А. И. Софроновым в 1914 году под впечатлением начавшейся тогда первой мировой войны. Нужна была незаурядная смелость, чтобы, даже в аллегорической форме, выступить в это время в защиту гуманистических идеалов. А. И. Софронов не побоялся это сделать. Мелкобуржуазный просветитель, с типичными для якутской интеллигенции того времени взглядами, поэт в образах Духа Добра и Духа Зла пока-

зывает реальные силы, борющиеся в человеческом обществе. Дух Добра, отогнанный демоном империалистической войны, не вступает в борьбу, предоставляя события воле «творца вселенной», но он, тем не менее, делает своё дело. Идея мира и братства народов, идея создания справедливого правопорядка в человеческом обществе, сами эти положения, высказанные в то время, являлись действенной агитацией. В провозглашённых идеалах Духа Добра отчётливы мечты самого поэта.

После создания поэмы прошло 14 лет. Знакомый с «Песнями Духов» по подстрочным переводам А. М. Горький в письме «Первому съезду литераторов Сибири» (см. «Правда», 1928 г., № 92), цитируя стихи А. И. Софронова, вспомнил о мечтаниях якутского поэта и дал высокую оценку прогрессивному значению этой оригинальной поэмы. Опыт художественного перевода сделан нами впервые.

А. Е. Кулаковский

СКУПОЙ БОГАЧ

(1907)

I

В каждом поле, в каждом хлеве
Круторогие коровы;
Сколько их—не перечесть!

И в долинах, и в еланях
Жеребцы и кобылицы;
Сколько их—не оглядеть!

Возле рек и по озёрам,
Разномастны, длинногривы,
Табуны его растут.

Денег бешеных, тяжёлых,
Глазом хитрым не увидеть,
Ухом счёт не уловить.

Сколько он богатств имеет,—
Вам, простым и честным людям,
Никогда и не понять.

Если вы узнать хотите,
Как такой богач-хозяин
В нашей местности живёт,

Какова его одежда,
Хороша ли его обувь,
Что он ест и пьёт обычно,

Каковы его привычки,
Чем он славится в округе,
Как себя ведёт в семье?

Я скажу вам без утайки,
Ничего не приукрашу,
Всё по правде расскажу.

II

Питается супом из рыбы костистой,
Угощается рубленой рыбьей кожей,
Одобрят даже протухшую рыбу,
Вяленую считает за роскошь.

Говорит, что любит тощее мясо,
С жадностью жрёт всякую падаль,
Сушеную рыбу даже не варит,
Голые кости охотно гложет,
На закуску берёт кишки коровы,
Требухой заедает свои обеды...

Горелые копыта—ему услада.
Свежее молоко—ему вредно,
Для здоровья, говорит, кислое лучше.
Творог кушает перебродившим,
Чая он не употребляет,
Пьёт горячую воду,
Молоком слегка забелит.

Уважает очень жидкую пищу,
Но круп не покупает—
Ест травяную кашу,
Снятым молоком разводит,
А если когда придётся,
Слопает и без заправки.

Кору сосновую хвалит,
Толчёт её умиляясь;
Болтанку-похлёбку сделал,
Муки подмешает горстку,—
Толкует, что очень вкусно.

Толкует богач, что будто
Самая сытная пища
Ягода-голубица:
В смородине много жира,
Кислица слишком сладка.

Увидев молочную пенку,
Облизывается он заране;
Скребёт посудную накипь,
Сбирает творожные крохи.

Добротной пищи боится,
Отвык от говядины жирной,
Забыл о вкусе масла,
Не помнит, как сало пахнет.

Муки он не покупает,
Хлеб ему стал не нужен,
Крупчатка ему не по средствам,
Сахар ему излишен,
Соли в еду не надо.
Горчицы в глаза не видел,
Уксус на стол не ставил,
О перце только слышал,
Пива даже не пробовал,
Водку—по запаху знает.

III

Рубаха на 'богатее
Из самой дешёвой дряни,
Не стирана, не мыта—
От грязи стала твёрдой.

Пальто на нём полиняло,
Задрипался пиджачишка.
Платок не видел мыла¹,
Засалилось полотенце.

Его лосинная шуба
Копной на него садится.
Шапка его измята—
Горшком на башке разбухла.

Унтишки из конских лапок,
Кожаные калоши—
Рваные и в заплатках:
Нищему выйти стыдно.

Штаны из кобыльей шкуры,
Набедренники из кожи,
Перчатки из дохлой лайки,
Телячьи наколенники,
Заячьи набрюшники,
Верёвка вместо пояса,
Вместо повязки тряпка:
Вот—его одежда!

IV

У этого богатея
Домишко ввалился в землю,
В навозе увяз до крыши,
Ссутулился, как старуха.

Стены в его домишке
Тонки, как в летнем хлебе.
Чуланчики развалились,
Амбар похож на ящик,
Шатаются коновязи.

¹ Летом якуты повязывали голову платком

У этого богатея
Особенная повадка:
В наслеге старостой не был,
В улус головой не выбран,
Для общества не трудился¹.

V

Жизнь его оглянувши,
Нравы его увидев,
Как он того достоин,
Так мы его опишем...

Добрым словом скуден,
Честной мыслью беден,
Совести не имеет.

При встречах он неприветлив,
В беседах неразговорчив,
Судьбой своей недоволен...

Скажешь ему—«спаси»,—молчит.
Просишь его—«поддержи»—отворачивается.
Молишь его—«помоги»,—сердится.
Говоришь ему—«выручи»,—огрызается.

Услышит—«дай»,—
Спину показывает.
Услышит—«возьми»—
Ухмыляется.

Обратишься к нему «надо бы»...
Омрачится.
Скажешь «вот, тебе»...
Обрадуется.

¹ В условных соответствиях: наслег—посёлок, улус—волость. Улусный «голова»—примерно, соответствовал русскому волостному старшине. В числе наследных старост и улусных «голов» бывали иногда и подлинные энтузиасты якутской общественности.

VI

Не было у него друга,
Которого он приютил бы.
Не было у него гостя,
Который его хвалил бы...

Плоская тарелка,
Ломаная ложка,
Маленькая миска,
Старенькая чашка,
Котелок с заплатой,
Горшок со щелью,—
Вот что он ставит гостю.

Мясо подаст—обрезки.
Кушанья—чуть положит.
Кормит, чтоб отвязаться,
Чтоб соблюсти обычай.

Лучших людей не терпит.
Умных людей—не уважит.
Бедных людей гонит.

VII

Семья его проклиняет,
Дети его презирают,
Работники ненавидят.

Жесток он даже к нищим.
Живые ему чужды,
О мёртвых не сожалеет.

Обществу он не поддержка.
Налогов платить не хочет.
На сходки совсем не ходит.

Всё, что берёт в руки—
Считает своею тростью.

Всё, чем башку покроет—
Считает своею шляпой.

Сам никому не подавши,
Ждёт, что ему помогут...

Сгорбившиеся плечи,
Толстые бока,
Сплюснутый затылок,
Гнутые колени,
Мёртвые глаза,
Мазаная харя,—
Мясо без костей,
Туша без души...

Это не человек.
Ублюдок!

ДАРЫ ЛЕНЫ

Поэма-мистерия

(1909 г.)

I

Волнуясь тремя протоками,
Алчущими ненасытно,
Вздываясь крутым теченьем,
Зыблющимся выско,
 Река-матушка-Лена
 Потомство своё окликнула,
 Детей созвала с собою,
 Дочек любимых и падчериц
 Всех перебудила.

Наполненная льдинами,
Сверкающая полыньями,
Щетинясь битым торосом

Лена-река отважно
Воды Восточной Сибири
Все в себя уместила,
Воды Сибири Северной
Все преодолела,—

Всё в себя втянула,
Стала рекой великой.

Важничая и бахвалясь
На срединном мире,
Чванясь и величаясь
Славой по всей планете,
Лена-река весною,
Словно бы гость степенный,
Двинулась в путь на Север,
Двинулась, други, прямо
Вдаль, куда вы глядите—
К бездне морской студёной.
Бездна морей полярных—
Бабушка Океана,
Чьих берегов не видно,
Чья глубина безмерна,
Бабушка Океана,
Царствовала во мраке,
Стужей дышала лютой,
Снегом обволокалась,
Властвовала зимою
На ледяном престоле.

В тьму беспросветной ночи,
В сѹтьемь седых метелей,
В пурговую обитель
К бабушке Океана,
В дом к Ледовитой Бездне
Лена-река вкатилась
И в леденелом ложе,
В трещинах дна морского
Шибко заговорила,
Тбропко зажурчала.

«Чтоб госпожа-Бабуся,
 Встретясь не осердилась,
 Чтоб госпожа-Бабуся
 Радовалась свиданью,
 Я прибыла на Север
 С грузом подарков ценных:
 В пазухе для Бабуси
 Я принесла не мало
 Выкупа дорогого—
 В дар за привет, за ласку!

Бабушка не улыбалась
 Девять тысячелетий.
 Девять тысячелетий
 Долгих и знаменитых
 Бабушка Океана
 Лик свой не очищала.
 Чтобы его расчистить
 Прыгнула я на север,
 Повеселить Бабусю
 Я и пришла с подарком.

Бабушка не согревалась
 Восемь тысячелетий.
 Восемь тысячелетий
 Наледь её давила.
 Стиснуто льдом прозрачным
 Горлышко у бабуси.
 Чтобы его оттаять
 Я и пришла проворно,
 Чтобы погреть Бабусю
 Я и поторопилась.

Бабушка проскучала
 Семь тысячелетий.
 Семь тысячелетий
 Лёд забивал Бабусю.
 Тяжкое наслоенье,
 Льдинистую ограду
 Надо разбить-растаять.

Я и пришла на помощь.
Пусть, мол, забьётся снова
Сердце моей Бабуси.

Замысел свой затеяв,
Долго я собиралась.
Всё изготовив ловко,
Радовалась в дороге.
Нынче, моя Бабуся,
Я у тебя в гостиных...»

Так толковала Лена,
Хвастаясь безудержно,
Талой водой обильно
Бабушку заливала.

Бездна морей полярных,
Бабушка Океана,
Слушая эти речи,
Радоваться не стала.
Бабушка Океана,
Бездна морей полных,
Вместо ликованья,
Злобно назад отхлынув,
Хмурилась молчаливо,
Голоса не подавала.

Видя в молчаньи этом
Словно бы поощренье,
Лена-река кичлива,
Счастьем самодовольна,
Радостно тараторя,
Всё позабыв на свете,
Бабушке терпеливой
В ухо заговорила,
В пах забормотала,
Булькала в грудь морскую.

«Думала я, гадала,
Может, Земля-Праматерь
Влагу моей Бабуси,

Впитывая повсюду,
Бабушку обеднила?
Я и поторопилась:
Всей Сибири Восточной
Воду я разыскала,
Всю в себя уместила,
Всю принесла с собою...

Думала я, гадала,
Целы ли у Бабуси
Все ледовые горы—
Может нужна добавка?
Лёд Сибири Восточной
Нднешный и прошлогодний
Я отыскала быстро—
Весь забрала в добычу,
И на волнах бурливых
Сплавилa не помедлив...

Думала я, гадала,
Может скупое солнце,
С ветром соединившись,
Влагу моей Бабуси
Выпили-испарили?
Я принесла Бабусе
Крошева снегового
Вместе с водою талой,
Вместе со льдом весенним
Много я натолкала...»

III

Бездна морей полярных,
Бабушка Океана,
Тут не утерпела,
Выкрикнула сердито:
«Глупая ты, девчонка,
Лучше бы помолчала!
Как ты посмела думать,
Что Океан могучий,

Борющийся с солнцем,
Вдруг обеднёл водою?

Лучше скажи, хвастуша,
Нищая тараторка,
Что же ещё с собою
Ты принесла в подарок?..»

«Бабушка, не досадуй,
Гнев положи на милость.
Есть для тебя, почтенной,
Славное приношенье.

В прошлые дни, когда-то,
Ты мне дала, Бабуся,
Рыб—по числу немногих,
Тощих и бесприютных.

Бабушка дорогая,
Рыб тех я накормила,
Множиться им велела
И расплодила уйму.

Жабристых баловала,
Выхолила костистых,
Вырастила плавниковых—
Всё для тебя старалась.

В самых святых пучинах
Выпестовала икромётных,
В дальних моих владеньях
Нежила рыб с молбкой.

Всех плодовитых, лучших,
В омутах снаряжая,
Я для тебя, Бабуся,
В дар пригнала сегодня:
И золоточешуйных,
И серебрянохвостых
Пышно принарядила.
Ты их прими без счёта!

Множества этих множеств
Пусть тебя развлекают.
Пусть это будет даром
Доброй моей Бабусе...»

«Кончишь ли суесловить,
Грязная ты, речушка,
Что мне твои подарки,
Черви твои и рыбы!...»

«Бабушка Океана,
Бездна морская, слушай,
Есть и ещё подарки,
Только не раздражайся.

Есть у меня красotka,
Дочь-Госпожа Вилюев,
Трёх рукавов хозяйка,
Речка на загляденье.

Дочь эта богатейка—
Брызжет водою с солью,
Медной шугой опилки
Сыплет на перекатах.

У Госпожи Вилюев,
Речки многопроточной,
Есть в кладовых железа—
Больше чем в тундре снега.

Ей до тебя, Бабуся,
Трудно самой добраться:
Чудный её гостинец
Я принесла с собою...»

«Прочь ты, с гостинцем вместе!
Или ты одурела,
Или ты не видала
Вечных богатств подводных?»

Меди, железа, соли
В недрах моих избыток!
Что мне такой подарок,
Глуная самохвалка...»

«Бабушка, не обидься,
Гневаться будешь после,
Ты до конца послушай:
Есть ещё дар бесценный!»

IV

«Есть у меня в потомстве,
Всех остальных любезней,
Взрослая дочь-хозяйка,
Дочь Госпожа Алдана;
Славящаяся всеместно.

У Госпожи Алдана
Знатное есть семейство.[!]
Буйных сынов отважных
Числится девяносто,
Дочек крутобережных
Восемьдесят—по счёту,
Внуков-ручъёв пугливых
Сот до семи, пожалуй.

Всех похвалить не стану,
Но похвалю любимцев.

Детушка есть шалунья,
Прыгающая бурливо,
Пенящая течение
Речка-неугомонка:
Томпо она зовётся.

Следом за ней отмечу
Шумную непоседу,
Дышащую холодами
Речку-сорвиголову:
Тыра она зовётся.

Следующая за нею,
В тóросе каменистом,
С берегом красной глины,
Дикая речка плещет:
Имя её—Хандыга.

В дальних гористых пàдях,
Между долин угрюмых
Там, где сохатый бродит,
Речка бежит сурова:
Кличут её—Тандыгой.

В тёмных хребтах лесистых,
Буйна, многопроточна,
Здравствует сановито
Речка скоробогата,
С именем Аллах-Юня.

Далее, меж посёлков,
Паузки подгоняя,
Сплавом гордясь обильным
Новая речка льётся:
Прозванная Майыдой.

Возле неё протяжно
Движет своё течение,
Рыбу оберегая,
Птиц-водоплавов пряча:
Речка, сестра, Юдома.

А по соседству, рядом,
Дарствуя соболями,
Брызжет водой цветистой
Чтимая всеми речка:
Сам Силигил Широкий.

С ним соревнуясь честью,
Щедро даря пушшиной,
Промыслом вождеденна,
Речка вскипает ярию:
Кличут её—Учуром.

И, наконец, степная,
Плавна и тихонравна,
Сыта и многолюдна
Добрая речка встала,
Названная Амгою.

Эти, вот, внучки дружно
Каменный пояс Яны
С севера разрубили.

Эти, мои любимцы,
Обод хребтов Приморья
Выщербили с востока.

Эти, мои резвушки,
Мраморный щит Амура
С юга насквозь прогрызли.

Камень—растёрли в глину,
Скалы—в песок крошили,
Глыбы утёсов вечных—
В пыль размололи мелко.

Щедрое приношенье
Я приняла, впитала.
Идя сюда, гостинцем
Думала поклониться.

Но по пути, в дороге,
Встретив людское племя,
Гибнущее в бездолье,
Сжалилась я, решила:
Надо помочь несчастным,
Детям божеств добрейших.

Я создала, Бабуся,
И острова, и пѳймы,
Чтобы питались люди
Милостыней великой...

Вот для тебя—остаток.
Лишние хлопья глины
Мутно в тебя вливаю!

Мелкий песок кристальный
С гулом бросаю в бездну!

Илистый, липкий студень
Шумно несу Бабусе.
Мне для тебя не жалко!»

V

«С дней сотворенья мира
Люди мне ненавистны,
Замыслы их противны.
С ними я не считаюсь.

Что мне о них толкуешь,
Дура ты, пустозвонка,
Нечем бахвалить больше—
Хвастайся благодеяньем!!!»

«Бабушка, не посетуй,
Рано ещё сердиться,
Мой разговор не кончен—
Слушай, моя Бабуся!

У Госпожи Алдана,
Дочки моей любезной,
Дитяtko бережётся:
Именем речка—Татта.

Созданная на радость,
Счастье она приносит
И для земли якутской,
И для её народа.

Сыто она питает
Избранные улусы.
Славится не длиною,
Не шириной теченья.

Есть у красотки-Татты
Много кумысных кубков—
Выточенных чоронов,
Блещущих украшеньем.

Из серебра литого
Есть у неё мутовки
С кольцами погремушек—
Взбалтывать сок кумысный.

Есть у неё посуда
Вся в нарезных узорах.
Кожаный мех с рисунком
Есть для кумысной влаги.

В местности той весёлой
Пышно пируют свадьбы,
Празднично торжествуют
В дни ысыхов летних.

Добрым богам на радость,
Белых родов шаманки
Льют на огонь священный
С песнями возлиянья.

Злобным богам на милость,
Чёрных родов шаманы,
Волосы разлохматив,
Жертву свою приносят:

Между семи деревьев
Шнур пёстроцветный тянут,
Мясо на нём в подвесках—
Жареное и сырое;

И в девяти лукошках
Кровь наливают бычью,
Чтобы напитком этим
Злобные боги чтились.

Духам полей и пастбищ
Ставится знак приветный.
Матери Плодородья
Жертвенник возжигают.

Духом подъёмов горных,
Духом Воды и Леса
Жертвы в кострах приносят
С пением заклинаний...

В местности той далёкой,
В светлой долине Татты,
От ысяхов каждый
Жертву и мне давали.

В каждый кумысный праздник,
В день ысяхов¹ малых,
В месяц исэхов средних,
В годы больших эгехов
Мне добровольным даром
Делались угощенья.

Яств освящённых много
Мне поднесли якуты,
Я и тебе, Бабуся,
Их принесла: попробуй!..»

«О-о-о! Как противно слушать
Глупые речи девки!
Что ты мне наболтала
Чушь о стране богатой.

Где же богатство видно?
Ты бы несла в пучину
Всех жеребят ретивых,
Всех телятишек шалых.

¹ Ысяхи, исэхи, эгехи—якутские национальные праздники.

Ты волокла сюда бы
Буйных парней—в наносе.
Лютых, ядрёных девок
Вместе с шугой несла бы...
Экая ты разиня!»

«Старенькая Бабуся,
Сделай мне снисхождение:
Дай, доскажу-ответчу
Всё тебе по порядку...

VI

Есть у меня далёко
Дочь, Госпожа Витима.
А у неё последыш,
Дитяtko хиловатый.

Руслищем каменистый,
С глинистою водою,
Тусклый и неприглядный
Ключ—
Бодайбò зовётся!

Этот ручей невзрачный,
Как только он родился,
Золотом обложили,
В золото завернули.

Так его обеспечив,
Спрятали незаметно,
Чтобы чужие руки
Дитяtko не сгубили.

Спрятали эту речку
В каменное ущелье,
Между утёсов тайных
Лесом покрыли густо.

Выставили охраной
Бурых гуляк-медведей,

Выгнали сторожами
Страшных волков голодных.

Так, уж казалось, скрыли,
Так уж захоронили,
Что человек-проныра
Даже и тот не сыщет.

Ах, как мы все ошиблись!
Бабушка дорогая,
Этот двуногий хитрый
Веё отыскал жадюга.

Толпы людей могучих
Сразу со всей Сибири
Хлынули ледоходом,
Стали теснить друг друга.

Даже из стран заморских
Хищники заявили:
Дальнее бездорожье
Их не задержало.

Многие государства
Стали войска готовить,
Многие властолюбцы
Духом засуетились.

Люди племён различных,
Разного дела люди
Скопом пришли к богатству
Бедненького дитяти.

Наш Бодайбó злосчастный
Только собрался крикнуть:
Глядь, уже, будто в шутку—
Русло ему сменили.

Стены лесов дремучих
Стаяли, как сугробы.

Чащи тайги столетней
Пеплом взлетели в небо.

Груды камней огромных
Взорвали динамитом.
Осыпь обломков грузных
Смыли огнём с водою.

Словно преддверья ада,
Шахты раскрыли пасти.
Нёры ушли глубоко—
В самую преисподню...

Чугунная дорога загремела,
Засвистел бык паровозный.
Мягкое железо иступилось,
Сталь ударила твёрдо,
Стукнула машина буровая,
Звякнула машина с магнитом,
Расплодилось электрические лампы...

...Гребя золотую глину,
Лопаты застрекотали.

Гребя руду золотую,
Кайлы остервенели.

Горстью хватали самородки,
Золото сыпали пригоршней!

Ошалев от наживы, огрубели,
Нравами перестали стесняться.
Жизнь стала дешевле денег,
Кровь полилась безвинно.

Добрый труд не вознаграждался,
Лёгкая удача пьянила.
Суд судил незаконно.
Кривда принесла убийства...

...Вот почему, Бабуся,
Стало людей мне жалко:
Думая, как помочь им,
Я горевала втайне.

Чтоб отогнать соблазны,
Я совершила дело
И для людей хороших
Выступила в защиту.

Осенью и весною,
Вспучивая стремнины,
Яростно я смывала
Пыль золотую к морю.

Если запас металла
Сильно поистощает—
Людям забот не будет,
Станут они счастливей.

Ну, а тебе, Бабуся,
Золото-дар смиренный.
Грудь свою украшая,
Повеселись со мною!»

VII

Выслушав эти речи,
Бездна морей полярных—
Бабушка Океана—
Долго не отвечала.

Девять ночей бессонных,
Девять деньков безгласных
Дивно мутнела Бездна,
Плюхалась, клокотала.

Лишь на десятый вечер
Бездна как бы очнулась,
Страшно и ненавистно
Гостьюшку оглянула.

Сев на своём престоле
Стужей дохнула Бездна,
Заскрежетала мрачно
Тягостными словами:

«В час сотворенья Мира
Я создана на вечность,
Чтобы с Землей тягаться,
Мериться с солнцем силой,
Людам преграды ставить.
Знаешь ты это, девка?

Ты говоришь, болтунья,
Будто каким-то людям
Ты помогать решилась?
Эта твоя забава,
Чортова пустомеля,
В ярость меня приводит.

От зарожденья Солнца
Люди себя считают
Правнуками светила.
Я же для них—помеха!
Холод моей пучины
Ужас для всех живущих.

Что же ты мне в обиду
Здесь лепетать изволишь!
Жалко тебе людишек?
Многим ты их дарила,
А для меня, мерзавка,
Нет у тебя подарка...

Ты бы могла по вкусу
Радостный дать гостинец,
Пропасть великой Бездны,
Зев ледяного чрева
Ты бы могла насытить.
Видно, не захотела?

Если сюда явиться
Дерзостно ты решилась,
Ты мертвецов отборных
Мне бы несла без счёта!

Радостных, да весёлых
Юношей богатырских
Плавил бы со льдами—
Полнить мои владенья!

Верящих в милосердьё
Бога творца вселенной,
Женщин прекраснодушных.
Ты бы сюда тащила!

Девушек чуднолицых,
Алчущих чадородья,
Ты завлекла сюда бы—
Мне отдала на выкуп!

Нет у тебя подарков,
Тех, что желанны Бездне!
Вздорным своим нахальством
Ты меня осрамила.

Грязная пустолейка,
Вот тебе наказание!..

Древнюю дочь Бездны—
Злую Владычицу-Зиму,
Дышащую снегами,
Кашляющую инеем,
В сопутствии поветрий,
В сообществе заразы,
С кнутом Нужды и Голода,—
Я на тебя выпускаю!
Я на тебя насылаю!!
Я на тебя натравливаю!!!

Зима сама владычица:
Она обойдёт повсюду,

Заглянет, где ты бывала,
Девниц твоих заморозит!

Тебя же на семь месяцев
Замкнёт на смертном ложе,
И пусть, оцепенелая,
Скучать ты будешь в спячке!

Восемь сугробных месяцев,
Томясь под толстым настом,
Журчат неслышно будешь—
Одними только слезами!

Долгих девять месяцев,
Мучась и горемыча,
Под ледовым одеялом
Будешь молчать бессильно!..

Чтоб всё это было исполнено,
Зима за тебя в ответе.
Я ей на подмогу выгоню
Сына—мою опору...

Великий Бык Времени!
Он тебя переступит.
Шаг его ты услышишь,
Вид его ты узнаешь...

Вот, он идёт шатаясь:
Дыхание—белый морок,
Лицо—голубая глыба,
Ресницы его—сосульки,
Глаза его—мёрзлые проруби,
Спина—сугробное поле,
Хребет—ледяные горы.

Потея обильным снегом,
Злобно грозит рогами
Звёздам, луне и солнцу.

Вот он каков, красавец,
Сын едиnorodный,
Я его выпускаю!
Я его ободряю!!
Я его поддерживаю!!!

Сын мой страшной чудовищ:
Жизнь перед ним отступит.
Великий Бык Времени,
В сопутствии голодовок,
Обжорливо-алчно-жадный
Несёт вьюки болезней,
Тянет поклажу бедствий,
Тащит мешки недугов.

Сзади за ними плетётся
Чёрная Смерть-Погибель.

Пусть она не робеет!
С осени начиная,
Правнуков гордых солнца
Жжёт до угля, до пепла.

Пусть всех людей господних,
Тех, что ты защищала,—
С самой весны начавши,
К осени уничтожит.

Пусть это длится вечно,
До измененья Мира,
До перемены места
Между землёй и небом!

Примечание переводчика. Одно из выдающихся произведений якутской поэзии досоветского периода поэма-мистерия «Дары Лены» написана А. Е. Кулаковским в 1909 году. Однако, даже избранная поэтом фольклорная форма мистерии не могла скрыть критику буржуазно-капиталистического строя и царской аграрной политики. В главе IV при всех описанных богатствах Ленского края, при всём внешнем благополучии народ оказывается несчастным, лишённым земли, и река

Лена вынуждена создавать для обездоленных людей «острова и поймы». Кулаковский использовал в поэме мотивы якутских народных легенд о борьбе сил природы, Лены и Ледовитого океана, но в этих реальных аллегориях мрачная Ледяная Бездна и тёплая восторженная Лена лишь образы, в которых якутский поэт, осуждая всякое зло, искал компромисса с современностью и, конечно, не мог его найти. В эпоху столыпинской реакции над Якутией, как известно, висел кошмар проекта принудительного выселения якутов в тундровую, заполярную зону с целью высвобождения основных земельных угодий для перемещения туда опасных царскому правительству безземельных крестьян из центральной России. В тогдашних условиях осуществление так называемого переселенческого «проекта экспедиции Маркграфа» означало бы смертный приговор всему якутскому народу.

В главе VI описывается история Бодайбинских золотых промыслов. Задолго до Ленского расстрела, ещё в конце XIX века избиения и убийства отдельных забастовщиков имели место на многих приисках Лено-Витимского бассейна. Хищническая хватка золотопромышленного капитала впоследствии привела Кулаковского к более широким выводам: к отрицанию капитализма, как системы хозяйствования и к осуждению всего уклада самодержавия.

БОЛЬШАЯ ОГНЕДЫШАЩАЯ ЛОДКА

(1910)

В широких странах судьбу устроить,
В чужих краях увидеть радость,
В далёких зёмлях найти удачу
Решился я,
Себя доверив
Чудовищу-пароходу

С дыханьем, стелющимся по ветру,
С движеньем, тянущимся сквозь воду,
С горячим-ретивым сердцем,
С огненными глазами...

Сел я на него с опаской,
Глядел на него удивляясь,
Присматривался с почтеньем.

Великий этот верзила
Заслуживает, оказывается, чести,
С которой большие народы
Громаду его похваляют.
Шумливый этот верзила,
Оказывается, и правда,
Повозкою быть достоин
Для самых сильных народов.

Сначала в свою утробу
Великое множество грузов
Вместил он, не замечая;
Потом огромные вьюки
На спину себе навьючил,
Гостинцев себе в дорогу
На палубу взял без счёта.

Железо-стальные цепи
Со звоном на берег сбросил;
Проволочный повод
С высокого носа скинул;
Завязший в тине якорь
Со дна госпожи-Лены
Поднял и быстро спрятал.
Всё это сделал ловко!

А после этого, тайно,
В небокоптящей печке
Створку в боку откинул,
Хриплым голосом рявкнул;
В трубе высоченной-тёмной
Нижнюю створку дёрнул
И зарычал протяжно.

Так зарычал, как будто
Сказочный бык могучий,

Житель страны чудесной,
Подал свой голос грозно.

Эхо ему отвечало
Раскатом, громоподобно.
Небо ему ответно
Тяжко заскрежетало.
Земля откликнулась гулко,
Воздух вокруг затрясся...

А после этого резко
На месте он покачнулся,
Пронзительно-громко свистнул,
Заостренный нос почистил,
Крутые бока приосанил,
Длинной спиной потянулся,
Хвостом повертел, задорясь:
Длину свою увеличил,
В ширь как будто надулся,
Ростом как будто вырос...

Кручёно-железными вёслами
Начал грести упорно.
Красно-железными крыльями
Воду ударил с треском.

Юрко-скользяще-скоро
Вперёд пошёл неудержно.
Жидкую студень-воду
Он вскипятил мгновенно.

Встретив напор теченья,
Грудью назад отбросил.
Волны заклокотали,
Хлынув с его дороги.

В клубах косматой пены,
Наперерез потоку,
Гордо он устремился.

Вода под ним закипела,
Словно железный слиток,
Докрасна раскалённый,
Бросили в эту воду.

По Лене быстро-бегучей,
Радостно забурливши,
Торжественно он помчался.
Смял высокие волны,
Скрутил их завитками,
Воздух речной прорезал.

Главным просторным руслом,
Силой своей бахвалясь,
Своей красотой доволен,
По самой середине,
Играя и сверкая,
Прямо—в сторону юга—
Стремительно он помчался...

Друзья мои, поглядите!
Оказывается, и правда:
Груз его не отягощает,
Вьюк ему не помеха.
Оказывается, и правда,
Усталости он не знает.
Волны ему не преграда,
Течения он не чувствует,
Глубоких мест не боится...

И днём грохотал он громко,
И вечером не утомился,
И ночью стучал бессонно...

Вот он каков, верзила!

АРМИЯ СНЕЖНО-ЛЕДЯНОЙ СТРАНЫ

(1925)

Судьбой обиженным горько,
Лишённым счастливой доли,
Бедностью закабалённым
Быть бы якутам вечно;
Жить бы им батраками,
Трудиться бы беспросветно,
Рабами бы им погибнуть--

Если-б не Красная Армия,
Если-б не Власть Советская,
Если-б не Партия Ленина,—
Бедствия искоренившие,
Страдания облегчающие,
В несчастьях наши друзья!

Из южных краёв свободных,
Из дальних пространств широких,
России-Матери дети,
Покинув свои селенья,
Прибыли в нашу землю,
Стали нашей защитой.

Народу тёмному стали
Светочами свободы.

Народу малому стали—
Большими его друзьями.

Простому народу стали
Товарищами боевыми.

...Страной ледовито-снежной,
Сквозь холод и сквозь метели,
Солдаты Армии Красной
Прошли с весенним Солнцем;
Советскую Власть поставив,

Силы свои бесстрашно
Отдали делу народа—
Север освободили...

Белого генерала,
Пепеляева-бандита,
Северного кровососа,
Народного живодёра,—
Солдаты Армии Красной
Вдребезги разгромили;
Все его ухищренья
Силою одолели,
Мужеством подавили;
Трудностей не испугались.

...С этой поры счастливой
Гнёта якут не знает,
Горькой судьбы не видит,
Светлой идёт дорогой,—
Полон большой надежды,
Строит себе свободно
Новую жизнь большую.

Вот почему весною
Птицы поют счастливо,
Выше заря восходит,
И возглашает Солнце
Армии Красной
Славу!



ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
Краткие биографические справки о поэтах, представленных в сборнике	5

ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОЙ ЯКУТИИ

А. А. К ю н д э. Жизнь	11
Белый журавль	12
Стелется дым	13
Летнее	13
Касатка	14
Похвала иноходцу	15
Т а л л а н - Б ю р э. Моление морю	19
Памяти партизана	20
Апрель	21
Ручей Манчары	22
К. У р а с т ы р о в. Кукушка	24
Прощай, Кавказ!	25
Ч а г ы л г а н. Ива и ручей	28
Якутский романс	29
Песня любви	30
Воину-якуту	31
Песня о герое	31
Х а р а. Песня об Аллах-Юне	33
Лето	34
К ю н Д ж и р и б и н э. Песня сельских кузнецов	39
П. Т у л а с ы н о в. Песня якутских косарей	40
А. Б э р н я к. Подарок	42
Мы—якуты	42
С. В а с и л ь е в - Б о р о г о н с к и й. Поэма о сабле	44
А м м а А ч ы г и я. Старая песня про Василия Манчары	49

ПОЭЗИЯ ИМПРОВИЗАТОРА М. Н. ТИМОФЕЕВА-ТЕРЕШКИНА

Импровизации из книги «Якуты на войне»

Якутская клятва	54
Подвиг пехотинца Сафронова	56
Созвездие Якутской Рыси	59
Конный бой	63
Харадай, уничтожающий ночных сов	65
Поражение Смерти	68

Импровизации из книги «Якуты в тылу»

Иван Железная Рука	72
Пастух Андрей, оленевод с Индигирки	74
Фёдор, охотник на песцов	77
Огородница Дарья	79
Клавдий Краснояр	82
Соль Кэмпендя	84
Сенокосный салют	86
Военный сев на Вилюе	88

Импровизации из книги «Сказанья о вождях»

Сибирское слово про Ленина	90
Сталин-Победитель	95

НОВАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ПОЭЗИЯ

Песня свободных	107
Песня о мироздании	107
Проклятие Гитлеру	109

ИЗ ЭВЕНКИЙСКИХ ПОЭТОВ

Никита Сахаров. Ленин с эвенками	121
Новый Калакан	122
Дочь Манганана	124
Родной Тунгир	126
Институт Народов Севера	127
Н. Сахаров, А. Кириллов. Наш Сталин	128
А. Кириллов. На высоком берегу	129
Домой	129
Султураева, Молчанов, Бираулев. Песня школьников	131
С. Пикунов. Лётчик Луксан	133
Алексей Платонов. Иду в Красный Флот	136
Пионер Сомирча	137
Песня о Первом Мая	137
Так будет скоро	138

ЗАЧИНАТЕЛИ ЯКУТСКОЙ ПОЭЗИИ

А. А. Кюндэ. Песни, которые я пою	143
А. И. Софронов. Родина	145
Песни Духов	148
А. Е. Кулаковский. Скупой богач	157
Дары Лены	163
Большая огнедышащая лодка	184
Армия Снежно-Ледяной Страны	188